

ОЛЬГА ГРОМЫКО

ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА

Профессия: ведьма

Белорийский цикл

Ольга Громыко
Верховная Ведьма

«Автор»

2004

Громыко О. Н.

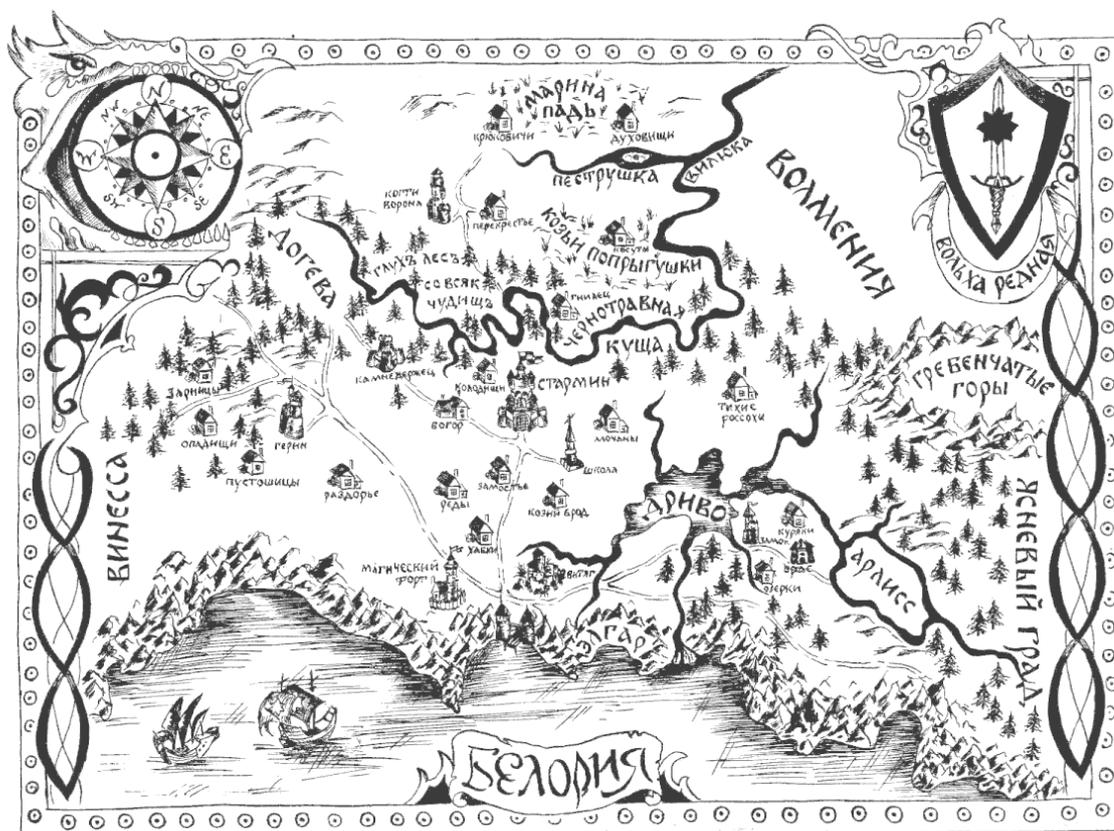
Верховная Ведьма / О. Н. Громыко — «Автор»,
2004 — (Белорийский цикл)

Что нужно для счастья Верховной Ведьме самой обычной долины, населенной самыми обычными вампирами? Любимая работа? Успешная карьера? Степень архимага? Или... Друзья бессильны дать верный ответ, зато враги живо помогут во всем разобраться! Итак, черная кобыла оседлана, волшебный меч заточен – и Вольха Редная снова отправляется портить настроение нежити, а заодно конкурентам, рыцарям и даже святым...

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ольга Громыко Верховная Ведьма

Черная кобыла с подозрительно невинным видом стоит у крыльца, лениво помахивая роскошным хвостом. Рановато ее заседлали и привели; вернее, это они припозднились с проводами. Зная эту неугомонную нахалку – час она на одном месте не простоит... значит, успела где-то погулять и вернуться. Только-только рассвело, долина еще спит, укутанная одеялом тумана, не по-весеннему густого и холодного. Если кобыла где-то нашкодила, обнаружат это не скоро, так что отдуваться придется ему – хозяйка лошади решительно встряхивает головой, отбрасывая волосы за плечи, и примеряется к стремяни.

– Не уезжай.

Она опускает занесенную было ногу, оборачивается. Укоризненно и вместе с тем понимающе смотрит на него. Глаза в глаза, не пытаясь укрыться за ресницами или сторонними мыслями. Мало кто на это осмеливается. Ветер встрепывает ее длинные, золотисто-рыжие волосы – единственное светлое пятно посреди этого серого, зябкого утра.

– Почему?

– У меня нехорошее предчувствие.

– Брось! – Она беспечно усмехается, похлопывая лошадь по холке. – Мы же всё давным-давно обсудили. Мне нужно собрать практический материал для диссертации и получить звание Магистра 3-й степени, для такой ответственной должности это просто необходимо. Я же твоя Верховная Ведьма, забыл?

– Нет, как и то, что ты еще и моя невеста, – невесело шутит он.

– Я вернусь, ты же знаешь.

Он нежно проводит кончиками пальцев от ее виска к подбородку, попутно заправляя за ухо выбившуюся прядку. Она шутливо уворачивается, нашаривает стремя и вспархивает в седло.

– Знаю.

Черная лошадь охотно трогается с места. Слишком охотно, а значит, вскоре жди незваных гостей, весьма недовольных столь же неожиданным визитом черной лошади в их только что засеянный огород, сад, а то и на чердак с опрометчиво приставленной к нему лестницей...

Если он окликнет ее, шагнет вперед или хотя бы опустит голову, выдавая, как тяжело у него на сердце, она тут же вернется.

Он знает и это. И молчит.

Часть первая

Житие святого Фендюлия

*Каков дайн, таков и храм.
Старинное белоруское присловье*

Весной даже дремучий бор, кишмя кишущий диким зверьем и упырями, язык не поворачивается назвать темным и зловещим. Мрачный скрип обомшелых стволов утонул в птичьем щебете, а земля – в цветущих пролесках, придавших старому лесу непривычно радостный, чарующий и таинственный вид. Так и ждешь, что во-о-он из-за той кучи бурелома сейчас появится прекрасная дриада верхом на белоснежном единороге (можно по отдельности) или добрая волшебница, разомлевшая на солнышке и посему готовая безвозмездно осчастливить первого встречного исполнением трех его заветных желаний (ну хотя бы одного, самого-самого!).

Впрочем, на худой конец сойдет и злобная ведьма на черной кобыле.

– Итак, Смолка, что мы имеем?

Кобыла прижала уши и неопределенно позвенела уздой. На данный момент ее хозяйка и впрямь отличалась редкостной злобностью – пару минут назад у нее в довершение ко всем бедам отвалилась подметка на совсем казалось бы новом сапоге. Стремя неприятно холодило босую ногу; отпустив поводья, я крутила в руках провинившуюся обувь, размышляя, то ли плюнуть на все и подклеить ее с помощью магии, то ли вернуться в село и устроить разнос жуликоватому сапожнику с гнилой дратвой. Возвращаться, хоть и не слишком далеко, не хотелось. Трех кладней¹ тоже было жалко, а заклинание придется подновлять ежедневно. Ладно, заеду к этому халтурщику попозже, на обратной дороге. Помнится, он с пеной у рта заверял: дескать, «сто лет износу не будет!», так что до конца гарантийного срока еще далеко.

С отвращением пошептав на сапог, я натянула его на ногу. Вроде держится и даже удобнее стал, в носке не жмет. Слегка подобрев, я наконец-то соизволила оглядеться по сторонам, но любоваться оживающей природой было поздно – лес закончился, а трава на опушке только-только пустилась в рост, робко выглядывая из-под сухих прошлогодних грибов.

– А имеем мы вот что, – задумчиво сказала я, так и не дождавшись ответа от кобылы.

В пяти саженьях от опушки, прямо к стволу стоящей на отшибе березки была приколочена растрескавшаяся шильда с отломанным носом. Мне так и не удалось толком разобрать полустертые дождями и временем руны – то ли «Малинники», то ли «Малые Липки». Ни малины, ни липок я с ходу не заметила и на карте ничего похожего не отыскала. Странно, вряд ли моя карта древнее этой шильды... Надо будет расспросить кого-нибудь из местных, куда это меня занесло – вчера вечером я для разнообразия доверилась незнакомой дороге, логично рассудив, что в чистом поле она вряд ли оборвется, а работа для ведьмы найдется везде. Ну или почти везде.

Под первой доской висела вторая, новехонькая, с витиеватой надписью:

**«Колдовать, ворожить и творить прочий бесовской
промысел возбраняется под страхом смертной казни».**

– Не больно-то и хотелось, – вполголоса проворчала я.

¹ Золотая монета.

Вероятно, где-то поблизости обретался крупный храм, таким нехитрым способом отваживающий конкурентов.

И это несмотря на королевский указ, уравнивающий в правах магию и религию! Увы, только на бумаге. Если в столице и городах маги с елейными улыбочками раскланивались с дайнами,² то в более отдаленных местах власть Ковена Магов заметно ослабевала, переходя к священнослужителям. Неудивительно – ведь стать дайном мог практически любой, а должность эта легкая и хлебная, так что желающих хватало на все села, даже самые глухие. Магические же способности проявлялись далеко не у каждого, а единственная на всю Белорию Школа Чародеев Пифий и Травниц находилась в столице, где и оставалась работать большая часть выпускников.

Денег у меня пока хватало, а по опыту я знала: стоит проехать пару-тройку негостеприимных селений – и в четвертом ведьме окажут самый теплый прием, причем туда тайком сбегутся жители из трех предыдущих. Запретить-то магию можно, но заклинания молитвами не заменишь, и слова «значит, так было угодно богам» служат слабым утешением для молодого вдовца, чья жена приглянулась упырю или скончалась от родильной горячки.

Я огляделась, привстав на стременах. Так, вот и Липки-Малинки – довольно большое село, даже с ярмарочной площадью, в настоящий момент пустующей. Храма что-то не заметно. Левее, за березовой рощицей, небольшое озерцо в низинке, правее – пересеченная речушкой пустошь, по которой маленькими группками бродят коровы и овцы, печально изучая бурую землю с редким вкраплением зелени. А дальше, за селом, на лесистой горочке... ого!

Замок был огромен. До него оставалось не меньше пяти верст, а макушки всех восьми башен уже горделиво возвышались над лесом, притягивая взгляд яркой кирпичной кладкой. На шпилях трепетали заостренные язычки флагов. Не верилось, что все башни обнесены одной стеной – места между ними хватило бы на восемь замков, – но кому придет в голову ставить их рядком?!

Я мигом сообразила, где нахожусь. Не Малинки, а Маел-ине-киррен, по-гномьи – Вороньи Когти, название крупнейшего в Белории рыцарского замка. А село, вероятно, называется «Перекрестье» – вон на столбе у околицы виднеется еще одна шильда.

Подъехав поближе, я убедилась в своей правоте. Перекрестье было одним из тех селений, что взяли начало от постоянного двора на скрещении дорог. Одной дорогой – той, по которой я приехала, – сейчас уже почти не пользовались, и она превратилась в обычную сельскую улочку, зато вторая с годами расширилась почти до размеров тракта и вела в гору, к замку.

Селяне глядели на меня неприязненно, не выходя за калитки, но и не отлипая от оных. Многие демонстративно крестились и плевали через плечо, кто-то даже показал шиш, якобы отводящий порчу (я не осталась в долгу, продемонстрировав другой, не менее символичный палец). Скрывать свою профессию я и не подумала, напротив – откинула капюшон куртки и гордо выпрямилась в седле, чтобы всем хорошо были видны трепещущие на ветру рыжие волосы и рукоять висящего за спиной меча. Проезжать-то через село мне никто не запрещал, как и рекламировать «бесовской промысел». Я подметила парочку заинтересованных взглядов и довольно усмехнулась. Может, выехать за околицу и остановиться в ближайшей рощице, поджидая клиентов?

Но тут я заметила корчму и мигом изменила планы. Тряское седло и черствые бутерброды уже сидели у меня в печенках – неплохо бы в кои-то веки побаловать и желудок, а заодно размять ноги и местечко повыше.

² Священнослужители.

Ни чистотой, ни обилием посетителей корчма похвастаться не могла. При моем появлении она обезлюдела окончательно, а корчмарь, даже не поинтересовавшись, чего я изволю, брякнул передо мной наполненную едой тарелку.

Картошка оказалась пересоленной, огурцы дряблыми, а отбивная подозрительно напоминала мою отлетевшую подметку. Кое-как насадив сей кулинарный шедевр на вилку, снять его я уже не смогла. Укусить тоже не рискнула, красочно представив два ряда зубов по соседству с вилкой. И потом, с одного края ее, кажется, уже грызли, но тоже не преуспели... Я в последний раз трянула вилкой, и отбивная неожиданно поддалась. Со зловещим свистом рассекая воздух, она на бреющем полете пронеслась через корчму и шлепнулась в ведро с помоями, где и затонула. Корчмарь тоскливо скривился – видимо, уникальное кушанье кочевало со стола на стол с самого утра и входило в меню не только обеда, но и ужина.

Вилка освободилась, и я занялась печальным размазыванием картошки по тарелке. Есть захотелось еще больше, но, увы, не настолько, чтобы заставить себя проглотить хотя бы кусочек этого месива, порочащего доброе имя еды.

Отложив вилку, я посмотрела в окно. Возле корчмы уныло слонялись какие-то мужички, то и дело поглядывая на дверь и перебрасываясь парой слов. Кажется, они были совсем не прочь пропустить по кружечке пива, но привязанная у дверей кобыла одними своими желтыми глазами отпугивала страждущих, не говоря уж о засевшей в корчме ведьме.

Корчмарь уже несколько раз прошелся мимо моего стола, в последний раз так и оставшись стоять рядом, выразительно сопя над моим ухом. Я, откинувшись на спинку стула, делала вид, что ничего не замечаю. Да и вообще, похоже, собралась малость вздремнуть...

– Эй, уважаемая! – Не выдержав, мужик выдвинулся на передний план. Уважения в его голосе я что-то не заметила, только досаду, несколько сдерживаемую страхом перед ведьмой. – Вы расплачиваться собираетесь али как?

– Собираюсь, – охотно подтвердила я, для наглядности прокручивая в пальцах серебряную монетку. Корчмарь протянул было руку, но денежка исчезла так же внезапно, как и появилась. – Но разве это надлежит делать не перед самым уходом?

Мужик неохотно, но утвердительно кивнул.

– Ну так идите, любезный, занимайтесь своими делами, я никуда не тороплюсь, – благодушно заверила я, поуютнее устраиваясь на стуле. – У вас такое милое заведение и так вкусно кормят, что хочется растянуть это удовольствие подольше. Скажем, до вечера. А может, и заночевать? Вы ведь ничего не имеете против, верно?

Корчмарь засопел, как дракон, похитивший принцессу, а в логове обнаруживший, что перепутал ее с девятилетней служанкой. Причем выпроводить польщенную бабку оказалось не легче, чем наглуую ведьму, мешающую травить более покладистых клиентов. Не знаю, как там выкручивался дракон, а передо мной уже через пятнадцать минут стояла тарелка с эксклюзивной куриной грудкой в густом соусе, свеженькая, еще дымящаяся.

– Надеюсь, этим госпожа ведьма насытится быстрее, – мрачно буркнул мужик.

Нежная курятина и впрямь таяла во рту. Я хотела из вредности растянуть удовольствие еще на полчаса, но, позорно проиграв здоровому аппетиту, проглотила все за несколько минут и с сожалением бросила в опустевшую тарелку искомую монету.

Отвязав кобылу, я с некоторым трудом взгромоздила на седло свое сытое тело и выехала за ворота, собираясь действовать по ранее намеченному плану, но не тут-то было.

Как оказалось, алчущие пива мужички не теряли времени даром. Пока я сидела в корчме, они сподобились послать гонца и хуже того – он успел вернуться с подкреплением.

На меня надвигалось по меньшей мере пять пудов железа – два скрывали под собой рыцаря, еще три – его верного коня, медленно и величаво переставляющего ноги. Из-под длинного серебристо-серого чепрака виднелись только мохнатые бабки с массивными копытами. Верхняя часть боевого скакуна была надежно упакована в шлем с прорезями для глаз,

ушей и ноздрей, от которого до самой луки седла спускался воротник из начищенных до блеска пластин. Круп прикрывал крупночешуйчатый каркас из стальных полос, так что единственным уязвимым местом остался раздраженно помахивающий хвост.

Всадник экипировался еще основательнее – его проще было сплющить, чем ранить. Кольчужные элементы чередовались с литыми, у седла висел огромный двуручный меч, едва не царапавший землю. Все это весело дребезжало и лязгало при малейшем движении, распугивая кур и приводя в ярость собак.

За рыцарем, почтительно приотстав на полкорпуса, на низкорослом мышастом коньке трусил оруженосец – темноволосый паренек лет пятнадцати со смешливым, еще безусым лицом. Никакого оружия, правда, он не нес и не вез, да и из доспехов на нем была только легкая кольчужка до середины бедра, перехваченная в поясе простым кожаным ремнем. Замыкали процессию два десятка деревенских шавок, тщетно пытавшихся перелаять издаваемое рыцарем бряцанье.

Я уважительно хмыкнула, заметив золотой орден на серебряной цепи, удобно лежащий в выемке нагрудника. Как и у магов, высшие чины рыцарского ордена именовались магистрами. Впрочем, не стоило оболящаться – рыцари были беззаветно преданы храму и называли магию не иначе как «мерзким колдовством» или «гнусной волшбой». К ведьмам они относились соответственно.

Я посторонилась было к обочине, но оба коня вильнули мне навстречу и остановились, недвусмысленно перегораживая дорогу. Магистр, явно рисуясь, заставил своего «горячего» тяжеловоза привстать на дыбы и вяло помахать передними копытами. О землю они лязгнули с таким грохотом, что я всерьез испугалась, как бы всадник с конем не рассыпались на отдельные сегменты. Стоит ли добавлять – мы со Смолкой даже не шелохнулись, взирая на рыцаря с таким искренним изумлением, что оруженосец смущенно потупился.

– Уа веваю вевайть с вованой вевой! – гулко, с подвыванием донеслось из-под шлема.

Изумление перешло в не менее искреннее недоумение, кобыла даже по-собачьи повернула голову набок, вслушиваясь в гуляющее по доспехам эхо.

– Вероятно, господин магистр имел в виду, что желает говорить с ведьмой, – пришел на помощь парнишка.

– Вованой? – подозрительно уточнила я.

– Истинно так! – Рыцарь наконец сообразил откинуть забрало. – Ибо ведьма суть порождение тьмы, рассадник зла и средоточие мракобесей силы на сей грешной земле, а посему иначе чем поганой называть ее недопустимо!

– Польщена, – пробормотала я. – И что с того? Вы решили разнообразить унылую жизнь этого добропорядочного села моим образцово-показательным сожжением?

– Увы, нет, – с искренним огорчением признался магистр. – Мы, то есть орден Белого Ворона в моем лице, желаем тебя нанять.

Я повнимательнее пригляделась к золотому ордену. Честно говоря, птичка больше смахивала на курицу, причем далеко не в лучшей форме. Создавалось впечатление, что несчастная покончила жизнь самоубийством, удавившись на серебряной цепи, где и болталась поныне с развернутыми крыльями, вытянутыми лапами и неестественно искривленной шеей.

Основной смысл сказанного дошел до меня чуть позже.

– Нанять? Меня?! Вы что, шутите?

По мрачной физиономии магистра было видно, что он тоже хотел бы так думать, но, к сожалению, не может.

– Очень не хочется вас огорчать, – вкрадчиво начала я, – но на выезде из леса висит весьма многообещающая табличка...

– Знаю, – отмахнулся рыцарь. – Я сам ее там приколотил.

– Оригинальный же у вас способ оповещать проезжих магов о свободной вакансии, – фыркнула я. Кобыла с готовностью поддержала меня аналогичным, но куда более ехидным и раскатистым звуком.

– Избави нас боги от вашего бесовского племени! – раздраженно повысил голос магистр. – Нам нужна ОДНА ведьма для выполнения ОДНОГО задания. Потом, хоть это и претит нашим убеждениям, мы ее отпустим...

Рыцарь и оруженосец растерянно переглянулись, не понимая, что меня так насмешило. Согнувшись от хохота над лукой седла, я с трудом выдавила:

– То есть вы хотите сказать... что вы меня... поймали?! Ой, не могу...

– Ну почти поймали, – поправился оруженосец, сникая под тяжелым взглядом старшего по званию. – Так сказать, в процессе...

– Ага. – Я легонько похлопала себя по груди, изгоняя остатки клокочущего там смеха. – Но, если я не ослышалась, изначально речь шла о найме, а это слово вроде бы предполагает оплату моей бурной деятельности, не так ли?

– Верно, – высокомерно подтвердил магистр, – ты оказываешь нам кой-какую услугу, а мы дарим тебе жизнь и свободу. По-моему, это вполне достойная цена за твои богомерзкие деяния.

– То есть вы хотите расплатиться со мной из отобранного у меня же кошелька? Нет, не пойдет. Попробуйте его сначала отобрать.

У рыцаря нервно дернулась щека. Видимо, до сих пор он сталкивался только с деревенскими знахарками, не способными сотворить даже простенький пульсар. Проверять, на что способен боевой маг с высшим образованием, ему очень не хотелось. Но отступить было поздно.

Магистр опустил забрало и пафосно бухнул шпорами по стальным конским бокам. Верный скакун, отреагировав скорее на привычный звук, с нарастающей скоростью двинулся вперед.

– Трепещи, нечисть, ибо в оголовье моего меча заключен ноготь с левой ноги святого Фендюлия и одно прикосновение к нему обратит тебя в прах!

– Трепещу, – честно призналась я. – Пакость какая, вот уж к чему мне совершенно не хочется прикасаться!

Рыцарь возмущенно взревел и бросился в атаку.

В моем мече никаких Фендюлиев не содержалось, да и обнажать его я не собиралась. Во-первых, честный бой (в моем понимании) проводился на самом удобном для каждого противника оружии, отнести к каковым меч я, увы, не могла. А во-вторых, из ножен торчала всего лишь рукоять с обломком клинка, которому я никак не могла подыскать замену. За полтора года работы на трактах я сменила по меньшей мере дюжину всевозможных мечей – от гномьих до эльфийских. Зловредные клинки категорически отказывались работать со мной в паре: они терялись, ломались, гнулись или оплавлялись в ядовитой крови нежити; их крали, нечаянно путали на постоянных дворах, одалживали и забывали вернуть, а то и забирали с собой в могилу, оставляя меня «безутешно» скрипеть зубами и снова развязывать кошелек.

Так что я просто-напросто щелкнула пальцами, и рыцарь с Фендюлием пронеслись мимо, вхолостую махнув мечом над моей макушкой. Отвести глаза человеку – простейший трюк, мы освоили его еще на пятом курсе, таская яблоки у скаредных торговков. Проскакав до конца улицы, магистр натянул поводья, озадаченно потряс головой и, нацелив меч, как копье, зашел на второй круг... третий... четвертый...

Пыль вдоль улицы стояла столбом. Селяне, разбившись на две группы поддержки, возторженными и разочарованными воплями встречали каждый забег. Мы со Смолкой только заинтригованно поворачивали головы туда-сюда, не двигаясь с места.

Наконец магистр решил сменить тактику и пошел на нас с грозной медлительностью тяжелой баллисты, заряженной двухаршинным мечом. Выглядело это весьма эффектно, я даже слегка забеспокоилась, но тут Смолка кокетливо изогнула шею и тоненько, вопросительно заржала.

В охоте на ведьму произошла небольшая заминка – конь действительно оказался конем и проявил к Смолке немалый интерес, загарцевав так, что рыцарь зазвенел всеми суставами. Магистр сердито рванул поводья, но жеребец решил проявить норы и начал крутиться на одном месте, порываясь встать на дыбы уже по собственной инициативе.

Мне было очень любопытно, как же они все-таки собираются меня ловить, поэтому я не спешила отговариваться срочными делами, требующими моего немедленного бегства с поля ловли. Оруженосец подъехал поближе, и мы синхронными охами-ахами встречали каждый взбрык жеребца. Магистр уже отчаялся его обуздать, бросил поводья, меч и, припав к конской шее, судорожно цеплялся за нее обеими руками.

– Э-э-э-э... госпожа ведьма, – неуверенно начал парень, не отрывая взгляда от увлекательного зрелища. – А может, вы добровольно сдадитесь?

– Ни за что, – рассеянно отозвалась я, одобрительно наблюдая, как рыцарь начинает потихоньку сползать влево. – Буду бороться до последнего...

– А если мы назначим за вашу поимку некоторую сумму и вы первая захотите ее получить?

Я поглядела на оруженосца с куда большим интересом и вниманием, чем вначале. Простоватое, добродушное и открытое лицо, но с волевым подбородком. Карие глаза, слишком серьезные для столь юного возраста. Из таких мальчишек со временем вырастают верные соратники или грозные враги. Впрочем, пока что он даже не удостоился права носить собственный меч, а мышастый конек привык скорее к водовозной тележке, нежели к седлу.

– Это зависит от размера суммы, – осторожно сказала я.

Парень с готовностью отцепил от пояса кошель и перебриснул мне. Мешочек неожиданно приятно оттянул руку. Я развязала, заглянула. Ого! Навскидку не меньше пятидесяти кладней золотом. Посмотрим, конечно, что за работенку они мне подсунут, но в случае чего всегда можно потребовать надбавку за риск. Ибо ловить ведьму, как оказалось, весьма опасное, сложное и неблагоприятное занятие... Грохот! Магистр распластался на земле, впечатавшись в нее на добрых полпяди. Конь тут же перестал выписывать кренделя и застыл как вкопанный, любуясь результатом.

– Ладно, – коротко сказала я, запихнув кошель в сумку к снадобьям. – Ничего не обещаю, но попробую изловить эту мерзавку.

Бросив на меня благодарный и извиняющийся взгляд, парень соскочил с коня, торопливо подбежал к распростертому рыцарю и, присев на корточки, почтительно поднял ему забрало:

– Вы победили, господин, она сдается!

– Очень хорошо, – пробормотал магистр, барахтаясь на спине, как перевернутый жук. – Помоги мне подняться, Тивалий!

Парень с готовностью подхватил рыцаря под мышки и, покраснев от натуги, с грехом пополам установил в вертикальном положении. Даже не глянув на столь успешно изловленную ведьму, магистр с пыхтением полез на смиренно замершего коня. Самым сложным оказалось задрать ногу до стремени, а вдевать ее туда пришлось оруженосцу, благо железный носок был предусмотрительно заострен. Немножко попрыгав на одной ноге, магистр угнездились-таки в седле и лишь тогда соизволил обратить на меня внимание.

Я одарила его обворожительнейшей улыбкой. Рыцарь покраснел, но на провокацию не поддался.

– И еще, – сухо бросил он. – Если уж мы, помолясь и скрепя сердце, решили прибегнуть к помощи нечистых сил, то это должны быть силы высшего качества, а не жалкие потуги бродячих шарлатанов!

Я пожала плечами. Вполне закономерное требование, хоть я и предпочитала, чтобы его высказывали иным тоном. Порывшись в чересседельной сумке, я достала изрядно потрепанный свиток с жирными пятнами и налипшими крошками – свидетельство об окончании Школы Магов с последующим послужным списком – и протянула его магистру.

Рыцарь брезгливо, двумя пальцами цапнул свиток за уголок, встряхнул, чтобы тот развернулся, и начал читать. После первой же строчки его глаза изумленно полезли на лоб, после второй пергамент выскользнул из ослабевших пальцев и, на лету свернувшись, скакнул в мою подставленную ладонь.

– Ну так что, господин магистр, мои рекомендации вас устраивают? – самым невинным тоном поинтересовалась я.

– Д-да, поган... госпожа ведьма, более чем.

– Отлично. – Я тронула повод, и потрясенный магистр безропотно позволил мне возглавить «ловчий» отряд.

* * *

Вблизи замок не просто впечатлял – ошеломлял своими размерами, возвышаясь над мной, как скала. Разумеется, неприступная. Вдоль крепостной стены тянулся широкий ров, заполненный водой с врытыми в дно кольями. Поскольку врагов в ближайшее время не предвиделось, ров находился на реконструкции и воды в нем было курице по колено. Согнанные из Перекрестья мужички споро орудовали широкими лопатами, вычерпывая скопившуюся за годы тину. У края рва стояла телега с обтесанными кольями на замену подгнившим. По горкам выброшенного на берег ила возмущенно скакали крупные лягушки. Ржавых доспехов, черепов и прочих свидетельств славных битв я что-то не заметила. Враги (обычно степные орки, хотя, бывало, на Белорию зарились и ее ближайшие соседи – Винесса с Волменией) подходили к замку, задирали, как и я, головы, присвистывали, говорили: «Нашли дураков!» – и, даже не пытаясь начать осаду, шли воевать в другое место. Рыцарям, ругаясь, приходилось вылезать из-за крепостных стен и догонять недобросовестного противника в чистом поле или напрямик маршировать на соединение с регулярной армией.

Строили замок гномы, неспешно и капитально. Целых сто тридцать лет, пока очередной король не сообразил заменить повременную плату на сделную, и не прошло трех месяцев, как Вороньи Когти были торжественно сданы в эксплуатацию. Но, поскольку враги не оценили проделанную ради них работу, оборонительный бастион перекавалифицировался в рыцарскую школу, исправно поставлявшую Белорскому легиону бравых вояк.

Попасть на тот берег можно было по одному-единственному подъемному мосту (не считая, разумеется, тайных ходов, которыми изобиловала любая уважающая себя крепость). Помимо массивной, укрепленной стальными полосами двери, вход в крепость защищала решетка с торчащими наружу шипами длиной в ладонь. Это еще не все – за решеткой начинался длинный узкий коридор, в котором тоже виднелись распахнутые створки. Под потолком чернели прямоугольные окошки бойниц, из которых стоящие во дворе лучники могли без помех расстреливать опрометчиво сунувшихся в коридор захватчиков. Держать здесь оборону было одно удовольствие; жаль, что враги ни разу его не доставили...

Сейчас мост был опущен, все двери открыты, а решетка поднята. Возле нее, прислонившись к стенам и вяло беседуя, бдели на страже двое рыцарей. При виде нас они торопливо выпрямились, зазвенев доспехами.

Я неожиданно спохватилась, что больше не слышу топота и лязганья за спиной. Осадила лошадь, обернулась. Рыцарь и оруженосец стояли в пяти шагах от моста, наблюдая за мной с каким-то подозрительным, жадным любопытством.

– В чем дело? – недоверчиво поинтересовалась я. – Только не говорите, что вы подпилили его специально ради моей скромной особы!

– Нет, что вы, госпожа ведьма! – поспешил заверить парень и, объехав Смолку, первым пересек мост. Остановился у дверей, развернул коня и снова уставился на меня.

Что любопытно: на лицах стражников застыло то же самое выжидательное выражение. Они даже коротко перешепнулись и ударили по рукам, заключая какое-то пари.

Мимо меня, демонстративно не торопясь и не оглядываясь, проехал магистр.

Упирается дальше было глупо. Обычный мост, широкий, надежный, на двух толстенных цепях. По нему свободно могли промаршировать четыре ряда конных всадников в увесистой броне, а он бы даже не шелохнулся. Пожав плечами, я повелительно причмокнула и тряхнула поводьями. Работа есть работа, причуды клиентов меня волновать не должны.

Стоило кобыле ступить на тот берег, как все облегченно вздохнули, перебросились многозначительными взглядами, и магистр, дав знак следовать за ним, направил коня под островерхий свод длинной темной галереи.

– Может, все-таки объяснишь? – шепотом попросила я у приотставшего, поравнявшегося со мной оруженосца. Парень покосился на магистра и тоже вполголоса ответил:

– Считается, что на этом мосту лежит проклятие, которое приносит ступившим на него женщинам мгновенную смерть.

– Что?! – От возмущения я даже остановилась, и рыцари вслед за мной. – А раньше нельзя было сказать?

– Ну вы же ведьма, – смущенно пробормотал парень.

– Вот именно! Ведьма, а не колдун! Или «средоточия зла» для вас на одно лицо?

– Да нет, – поспешил исправиться Тивалий, – вы, разумеется, еще и очаровательная женщина, но разве ведьме может навредить какое-то там проклятие?

«Еще как может!» – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык. Не стоит подрывать собственную репутацию, тем более что проклятие не сработало и никакой магии у моста я не почувствовала. Вероятно, этот слушок пустили сами магистры, чтобы помочь остальным рыцарям соблюдать священный обет целомудрия – хотя бы в пределах замка.

– А вдруг я бы от неожиданности отразила проклятие на кого-нибудь из вас? – нашлась я.

Эта заманчивая перспектива рыцарям почему-то не понравилась. Парень поспешно отступил к стене, магистр так вообще на всякий случай опустил забрало.

Коридор кончился, замок так и не начался. Крепостная стена соединяла восемь сторожевых башен – Когтей, а в промежутке между ней и собственно замком без труда умещались кузница, конюшни, огороженное ристалище и приземистая пекарня с двумя трубами, от которой вкусно веяло свежим хлебом.

Подъехав к замковым воротам, ничем не уступающим крепостным, мы спешили. От конюшни уже бежали двое паренюков, принявших у нас лошадей. Еще один длинный коридор (на сей раз без бойниц, но с тремя решетчатыми дверями), и я очутилась в самом сердце Вороньих Когтей – внутреннем дворе.

Здесь было тихо и прохладно, сверху доносилось нежное воркование горлиц. Пышные вечнозеленые плющи забрасывали плети до самого карниза. В центре двора стояла небольшая шестиугольная беседка с черепитчатой крышей, увенчанной деревянным изображением ворона. Приглядевшись, я сообразила, что это колодец с высоким срубом посередине.

Центральный двор четырьмя арками открывался в дворики поменьше. В замок вели шестнадцать одинаковых дверей с крылечками в три ступеньки (у меня тут же возникло

подозрение, что половина из них фальшивая и заложена кирпичом, чтобы сбить с толку штурмующего противника). К одной из них магистр и направился.

Казалось бы, в таком огромном замке и коридоры должны быть широченные – ничего подобного! Высокие – да, в три моих роста, но идти по ним пришлось цепочкой. Правда, они частенько расширились в такие же небольшие комнатки со сводчатыми потолками и дверями в боковых стенах. Некоторые из них были открыты, давая начало точно таким же коридорам, отличавшимся только способом освещения – настенными факелами или солнечными лучами сквозь зарешеченные окошки. В одиночку я заблудилась бы тут уже через несколько минут, и кто знает – не постигла ли эта печальная участь десятков-другой рыцарей и не наткнемся ли мы за поворотом на их истлевшие останки...

– А где все? – поинтересовалась я, удивленная царившей в коридорах тишиной.

– Обеденное время, – пояснил паренек. – Братья пребывают в трапезной, куда мы и направляемся.

Направляться предлагалось по винтовой лестнице, штопором закручивающейся в каменный мешок. То ли гномы, забывшись, построили ее по себе, то ли в планах она значилась как ловушка для упитанных врагов, но уже после первого витка я испытала на себе все прелести клаустрофобии.левой стены я касалась слегка отставленным локтем, а центрального столба – боком, инстинктивно пригибаясь, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок. Магистр, видимо, забывал это делать, ибо спереди периодически доносился немелодичный звон и такая же неблагозвучная ругань.

– Это что, единственный путь наверх? – пропыхла я, когда десятая дюжина ступенек наконец-то увенчалась дверью и мы остановились, чтобы перевести дух.

– Нет, госпожа ведьма. Это потайной ход, им пользуются только магистры либо почетные гости. Прочие поднимаются на второй этаж по четырем обычным лестницам. А вот на третий, где живут магистры, ведут только винтовые.

– А четвертый есть?

– Да, башня. Там мы вас и поселим... в смысле, заключим, – торопливо поправился паренек, глянув на магистра.

Я мысленно застонала, представив три лестницы подряд. Мы снова тронулись в путь, оруженосец вдохновенно продолжал:

– У нас есть предание о славном рыцаре, коий первым заметил вражеское войско, аки тать в ночи крадущееся по лесу в обход замка. Дабы поскорее принести молящимся в башне магистрам эту важную весть, сей доблестный муж без остановки пробежал все триста восемьдесят семь ступеней и пал бездыханным!

– А у вас нет комнаты... то есть темницы... где-нибудь в подвале? – жалобно спросила я. – Застенок там какой-нибудь пыточный, а?

– Есть, но мертвые бродит только по верхним этажам, так что вам все равно придется... – Парень осекся, сообразив, что сболтнул лишнее.

– Какое уме... – начала я, но тут магистр, не сбавляя хода, раздраженно толкнул двустворчатые двери.

Те неожиданно легко распахнулись, звучно грохнув о стены, отскочили от них и понеслись обратно. Прошмыгнуть вслед за рыцарем я не успевала и вскинула руки, привычно заменяя обычный толчок магическим. Чутьочку не рассчитала или створки оказались с гнильцой, но в результате они неожиданно для меня самой с треском разлетелись в крупную щепу, усыпавшую пол на двадцать локтей вперед.

Разумеется, столь эффектное появление не прошло незамеченным. На меня уставились по меньшей мере четыре сотни глаз, причем два десятка – из-под ближайшего стола. Обладатели последних, видимо, сидели в засаде, ибо рыцарь и трусость – вещи несовместимые,

хотя бы по рыцарскому уставу, имеющему ту же силу, что и королевский приказ о магах и дайнах.

– Извините, – кашлянув, пробормотала я в наступившей тишине. – Я нечаянно...

Вытянувшиеся лица окружающих выражали глубочайшее сомнение на этот счет.

– Это ведьма. – Магистр брезгливо ткнул в меня пальцем.

Я так задумчиво покосилась на вышеозначенный орган, что магистр поспешил его отдернуть и, стянув железную перчатку, украдкой проверить на предмет ущерба.

Особого удивления эта новость не вызвала. Видимо, все прекрасно знали, куда и зачем поехал магистр. Молодежь разглядывала меня с боязливым интересом, рыцари постарше безуспешно пытались скрыть это же чувство за высокомерным презрением. Впрочем, было и несколько прямых, спокойных, оценивающих взглядов. Эти даже слегка поклонились, приветствуя даму.

Зал был огромен, даже больше королевского. За ближайшими к стене столами сидели оруженосцы, во втором ряду – молодые рыцари, в третьем – матерые воины, вальяжно развалившиеся на стульях. В центре столовались магистры. Пять стульев из девяти пустовали, один выделялся более высокой и массивной спинкой, инкрустированной драгоценными камнями. «Мой» магистр, не останавливаясь, прошествовал к стулу поскромнее, оруженосец почтительно выдвинул мне соседний и встал за его спинкой.

Гул голосов неожиданно утих. Даже магистры вскочили с мест и вытянулись по струнке, провожая глазами седовласого мужчину лет шестидесяти, неторопливо шествующего к центральному столу. Ни оружия, ни доспехов на нем не было – только белая длинная ряса с золотистой вышивкой на груди. Ворон, разумеется.

Я недоуменно глянула на Тивалия.

– Это глава ордена, Верховный магистр, – благоговейно прошептал парень. – Последние две недели он усердно умерщвляет плоть голодом и самобичеванием, моля святого Фендюлия избавить нас от напасти!

Плоти в Верховном магистре и впрямь было многовато, хватило бы еще на полгодика умерщвления. Эдакий добродушный толстячок, давным-давно отмахавший свое мечом и заслуженно почивающий на лаврах. Пересекая зал, он мимоходом потрепал по голове смущенного подростка, перекинулся парой слов с мгновенно зардевшимся рыцарем и, как ни странно, довольно приветливо кивнул мне. Нахально сидящей, разумеется.

Прежде чем занять свое место, Верховный сложил руки на груди и склонил голову.

– Помолимся, братья, и возблагодарим святого Фендюлия за ниспосланную нам пищу!

Я обвела взглядом стол. Похоже, святой состоял в близком родстве с корчмарем из Перекрестья: на большинстве блюд лежали четвертушки лука, крупно нарезанный хлеб и сыр сомнительной свежести, а в расставленных между ними кувшинах плескалась обычная вода (я без зазрения совести наклонила один и понюхала).

Кое-где сиротливо чахли жареные куры, наводившие на мысль о птичьем море, когда первыми издыхают цыплята и почетные пенсионеры. Одинокая щука в ужасе взирала на ораву голодных рыцарей, которые уже собирались устроить турнир за обладание ее холодным телом.

Рыцари, видя такое дело, тоже не затянули с благодарностями. Но только они опустили руки и нацелились на ближайших цыплят, как Верховный магистр еще более торжественным голосом объявил:

– Братья мои! Когда я гляжу на это изобилие, я одновременно радуюсь и скорблю, ибо мы пребываем во грехе чревоугодия...

Я на всякий случай еще раз осмотрела стол, тщетно пытаюсь обнаружить пропущенное изобилие.

– ...кой тяжким камнем ложится в и без того переполненную чашу грехов наших, давая угнездившемуся в замке злу дополнительные силы. А посему предлагаю объявить трехдневный внеплановый пост во славу святого Фендюлия и на погибель умертвию. Конечно, сие дело сугубо добровольное и мы ни в коем разе не станем осуждать малодушных...

Малодушных не нашлось, хотя одобрительная улыбка магистра была слабой заменой уплывшим из-под носа калориям. Прислуживающие в зале мальчишки быстро собрали и унесли на кухню злокозненных кур, уличенных в пособничестве умертвию. Рыцари мрачно хрустели луком, стараясь не глядеть и не дышать друг на друга. Я еще не успела проголодаться, Верховный магистр усердно самоистязался, так что ничто не мешало нам начать деловой разговор. После витиеватого вступления на тему моей мерзопакостной профессии, разумеется. Помня, что клиент всегда прав, я выслушала его с превеликим вниманием, но переучиваться на дайншу вежливо отказалась. Впрочем, магистр не слишком и настаивал, ибо ведьма ему сейчас была куда нужнее.

Как выяснилось, пресловутое умертвие бродило по замку отнюдь не с прогулочной или развлекательной целью. То есть оно, возможно, и развлекалось, но весьма своеобразно. За три месяца орден лишился семи человек! Особенно не везло магистрам и рыцарям, оруженосец умертвию подвернулся только один, да и то за компанию с господином.

– А вы точно уверены, что это умертвие, а не, скажем упырь? – уточнила я.

– Упырь, умертвие, призрак – сие нам неведомо, – вздохнул Верховный магистр. – Но оно появляется по ночам, в ржавых доспехах, верхом на полуистлевшем коне, проникая даже в замковые башни, после чего бесследно исчезает, проходя сквозь стены.

Я задумалась надолго. С одной стороны, сквозь стены... с другой – полуистлевшее... Да еще на коне, поднять которого из могилы можно только с помощью магии, ибо лошади не имеют дурной привычки являться с того света ради охоты на рыцарей. Нет, надо самой посмотреть на это чудо природы. Желательно из-за угла, а там подумаю, не потребовать ли молочка за вредность.

– Оно их ест? – деловито поинтересовалась я. – Ну, хотя бы надкусывает?

Половина рыцарей отложили ложки, возблагодарив святого Фендюлия, что не позарились на более сытную пищу, которая с удвоенным энтузиазмом рванулась бы обратно.

Верховный магистр медленно покачал головой:

– Только убивает. Отравленным клинком, прямо в сердце, но удар наносит со спины.

«Похоже, все-таки умертвие. То есть ходячий труп, почему-то покинувший уютную могилку. Упырь не удержался бы, хоть немного, да поглодал, а призраки не пользуются материальным оружием».

– А прежде чем нанять... то есть поймать меня, вы сами не пытались отыскать на него управу?

– Разумеется, мы испытали все мыслимые и немыслимые способы: трижды тридцать раз прочитали очистительные молитвы, окропили замок святой водой и окурили бесогонными благовониями, а также дали множество славных обетов, но тщетно...

– А капканы у дверей ставить не пробовали?

Магистры возмущенно загалдели, но глава ордена остановил их одним движением ладони и неожиданно усмехнулся:

– Признаюсь, меня посещали подобные мысли. Но, поскольку умертвие в замке одно, а живых братьев в тысячу раз больше, сработавшим капканом я подверг бы их искусству сквернословия, и, полагаю, мало кто сумел бы устоять перед оным...

По залу прокатилась волна смеха, подтверждавшая, что глава ордена полагает правильно.

– Хорошо, а если просто запереться изнутри?

– Запоры умертвию не помеха. Оно может явиться прямо посреди комнаты, пару раз нам доводилось выбивать запертые изнутри двери. А иногда, несмотря на строжайший запрет, братья открывали ему сами! Сие мне совершенно непонятно...

Мне, честно говоря, тоже. Все умертвия, с которыми мне доводилось сталкиваться, совершенно не располагали к близкому знакомству и дружеским объятиям. Хорошего в них было только одно – непроходимая тупость, позволявшая без особого труда упаковать их обратно в могилу. Пройти сквозь стену они тем более не способны, если, конечно, там нет магического портала или банального потайного хода. Я больше склонялась ко второму варианту – судя по доспехам, при жизни умертвие сживало за одним из этих столов, а значит, знало Вороньи Когти как свои две сотни костей.

– Вы дадите мне карту замка?

Верховный магистр сокрушенно развел руками:

– Увы, у нас ее нет. Гномы передали нам один-единственный экземпляр, но во время ложной тревоги он вместе с планом местности был доблестно съеден одним из наших братьев, дабы эти секретные документы не достались врагам. Восстановить его так и не удалось, ибо замок огромен и коридоры его неисповедимы...

– Заметила.

Я мрачно подумала, что после здешней кормежки карта вполне могла сойти за деликатес. Значит, идея с потайным ходом отпадает. Зная гномов, я поняла, что искать его можно до посинения – вернее, пока заинтригованное умертвие не похлопает меня сзади по плечу. Проверить замок на следы магии куда проще – с этого и начну. В любом случае отсыпаться придется днем, чтобы у вездесущего скелета не было шанса отравить мне ночной отдых. Большинство рыцарей так и поступали, сейчас украдкой позевывая в кулаки.

– Но мы дадим вам кое-что получше, – торжественно пообещал глава ордена, сияя отработанной на «братьях» улыбкой. – Тивалий! Пока госпожа ведьма пребывает в замке, ты будешь повсюду ее сопровождать.

У нас с оруженосцем одинаково отвисли челюсти:

– Он?! Зачем?!

– Я?! За что?!

– Для безопасности, – туманно пояснил Верховный магистр.

Чья безопасность имелась в виду, он так и не уточнил, но явно не моя. Возражать было бесполезно, я и так диву давалась, как они решились пустить лису в курятник, то есть ведьму в замок. Тивалий с самым несчастным видом кивнул, подтверждая готовность следовать приказу. Ладно, в случае чего помешать он мне все равно не сможет, а если будет ежечасно бегать к магистрам с докладом – на здоровье, я не против. Особенно если вспомнить о...

* * *

– ...двести девяносто одна... двести девяносто две...

Оруженосец покорно плелся следом, позвякивая кольчугой и сопя мне в спину.

– Вот леший! – Я споткнулась и сбилась. – Сколько там было?

– Триста семь, госпожа ведьма.

– Уверен?

– Желаете вернуться и пересчитать заново?

Я так выдохлась, что спустила ему эту колкость. На четвертый этаж я выползла буквально на четвереньках. Чем нарезать круги вокруг столба, неужели нельзя было построить нормальную лестницу? Она получилась бы в пять, а то и в десять раз короче! На втором и третьем этаже потолки были ниже, чем на первом, в два человеческих роста с подскоком,

но, по ощущениям, я поднялась на добрых сто саженей. Не столько ноги устали, сколько голова закружилась.

На последнем этаже, плавно переходящем в собственно башню («до смотровой площадки осталось всего-навсего четыре дюжины ступеней, а оттуда открывается прекрасный вид на окрестности!» – заикнулся было парень, но мой собственный вид понравился ему куда меньше), находилось всего пять комнат, точнее, келий размером полторы на две сажени. Мне предложили любую на выбор, причем разница между ними была примерно такая же, как между пресловутыми хреном и редькой. Я уныло оглядела более чем скудное убранство в виде единственной деревянной лавки с березовым поленом на краю, в которых я запоздало опознала кровать с подушкой.

– Вы бы еще доску вместо одеяла положили! – не на шутку возмутилась я. – И это гостевая комната?! Специально, чтобы гости не засиживались, то есть не залеживались?

– Что вы, госпожа ведьма, магистры оказали вам великую честь! В эти кельи братья поднимаются, когда желают уединиться от суетного мира, помолиться и подумать о вечном.

– А если у меня несколько иная культурная программа?

– Хорошо, я сейчас принесу вам подушку и тюфяк, – обреченно вздохнул парень, поворачиваясь к трехсотступенчатой дыре.

Я методом тыка выбрала одну из келий и, подняв с пола сумки (в одной вещи, в другой снадобья, парочка книг и разрозненные клочки путевых заметок, в перспективе долженствующих стать диссертацией), затащила их внутрь. Из единственного окна открывался довольно-таки унылый вид на внутренние дворики, ристалище и крепостную стену с кусочком неба. Странно, если до макушки башни осталось всего полсотни ступенек, неужели оттуда можно разглядеть что-нибудь поинтереснее? Может, там ступеньки в мой рост?!

Первым делом я простучала стены – не все, разумеется, а пяток наиболее подозрительных камешков; досадливо подула на отбитые костяшки и, решив не тратить – попусту время и пальцы, наложила на стены цементирующее заклинание. Пусть умертвие теперь попотеет в своем потайном ходе, пытаясь открыть «заклинившую» дверь!

Парень вернулся подозрительно быстро, как будто вниз он скатился кубарем, а наверх его сопровождал скачущее по пятам умертвие. Застелив постель, я щедрым жестом предложила ему полено («подложишь под голову сразу два, будет помягче!»), но оруженосец смущенно признался, что мысли о вечном его пока что-то не посещают, а посему он принес одеяло и для себя.

– Госпожа ведьма, а чем мы сейчас займемся? – не выдержал парень, видя отсутствие какой-либо деятельности по подготовке к отлову умертвия.

Я, сбросив сапоги, успела растянуться на кровати поверх одеяла и теперь лишь недовольно приоткрыла ближайший к Тивалию глаз:

– Лично я собираюсь вздремнуть. Так что будь добр – выйди и закрой за собой дверь.

– А как же умертвие? – опешил парень.

– Если встретишь, скажи, чтобы зашло ко мне попозже.

– Но...

– Послушай, – с максимальным терпением начала я, – вчера у меня выдался очень тяжелый день в охваченной коровьим мором деревне, ночью я чем-то не понравилась стае лесных расквыр, а до обеда протряслась в седле и сейчас совершенно не расположена гоняться за вашим обнаглевшим скелетом. Так что до утра ты свободен.

– До утра?! Но еще даже не смеркается!

– Вот и отлично, как раз успею отоспаться за обе ночи, эту и предыдущую.

Оруженосец помялся возле кровати, укоризненно повздыхал, но настаивать не решился.

* * *

Где-то около полуночи я тихонько приоткрыла дверь. Осмотрелась. Ага, поверил! Ишь как храпит в соседней келье, даже сквозь стену слышно. Брать парня на охоту не входило в мои планы – больше сил потрачу на его защиту, да еще завопит в самый неподходящий момент.

С собой я прихватила только пару амулетов. Хорошо бы, конечно, и меч... но чего нет, того нет. Впрочем, против призрака он бы все равно не помог.

Умертвие, разумеется, и не подумало ошиваться возле моей двери в ожидании конца тихого часа. Убедившись в этом прискорбном факте, я спустилась на третий этаж. Бесконечный коридор уходил вправо и влево, черные проемы боковых ответвлений чередовались с пятнами света вокруг настенных факелов. Шелест пламени придавал и без того гнетущей ночной тишине особенно зловещий оттенок.

Для начала я решила просто пройтись по коридору взад-вперед, никуда не сворачивая. Если он тянется по периметру всего замка, замыкаясь в кольцо, – тем лучше. Где-то по этажу должны были бродить два рыцарских патруля из пяти человек, но, учитывая размеры Вороньих Когтей, за ночь они могли ни разу не встретиться ни мне, ни друг другу. Умертвию они тоже совершенно не мешали.

Сапоги на кожаной подошве позволяли мне ступать по каменному полу практически бесшумно и чутко улавливать малейший посторонний шорох. В полосах теней возились и попискивали невидимые крысы, подвывал залетающий в окошки ветер. Один раз мне почудились такие же осторожные шаги где-то за стеной, я даже остановилась и прислушалась, но, видимо, померещилось. Зато слева от себя я заметила дверь с незатейливой руной, понятной даже неграмотным. Под ней знакомым каллиграфическим почерком было выведено: «Только для магистров».

«Как кстати», – с ехидцей подумала я. Звание Магистра 4-й степени по боевой магии я получила недавно, этой зимой, и еще не успела до конца прочувствовать все полагающиеся ему льготы. В частности, такие, как пользование внутренней уборной рыцарского замка. Впрочем, кто сказал, что я не воспользовалась бы ею и любом случае?! Поиски умертвия (особенно увенчавшиеся успехом) – дело нервное и хлопотное, на дорожку не помешает...

Приоткрыв дверь и оглядевшись, я убедилась, что комната поступает в мое полное распоряжение, – видимо, умертвие заставило магистров в спешном порядке обзавестись ночными горшками. Внутри я увидела четыре дощатые кабинки вдоль дальней стены, умывальник с подставленным внизу ведром и два наполовину прогоревших факела в кольцах на подставках. Растроганная таким неслыханным комфортом, я направилась к крайней кабинке, но не успела сделать и десяти шагов, как с изумлением обнаружила, что уже не иду, а лечу, причем куда-то вниз и со все увеличивающейся скоростью.

Заклятие левитации вырвалось у меня совершенно машинально, как выверт у соскользнувшей с крыши кошки. Беда в том, что ночью оно работало только у некромантов, стихийные маги вроде меня... додумать я не успела.

Сработало.

Зависнув в воздухе в полулежачем положении, с задранными вверх ногами, я с замиранием сердца опустила руку вниз и пощупала холодные макушки булыжников. До земли оставалось не больше полутора локтей. Ба-тюшки-светы... Судорожно сглотнув, я потеряла концентрацию и чувствительно приложилась лопатками о камни. Что ж, могла и куда чувствительнее...

Воздух медленно возвращался в легкие, глаза постепенно привыкали к сумраку. Похоже, я свалилась в один из внутренних замковых двориков – маленький закуток со сте-

нами в два моих роста и единственной дверью, крест-накрест укрепленной полосами железа. Посреди дворика пышно и ароматно цвела багряная эльфийская слива, журчал маленький фонтанчик и стояла лавочка для отдыха. Замковую стену оплетал неизменный плющ.

Надо мной – саженях в пяти, не меньше, – живописно чернела прямоугольная дыра два на три аршина. Я любовалась ею около минуты, не в силах собраться с мыслями и хотя бы сесть, не говоря уж о более достойном положении. Надо признать: к кабинке я шла довольно беспечно – да и кто может ожидать подвоха в таком месте? – но не настолько, чтобы при свете факелов не заметить огромной дырищи в полу. Может, я наступила на какую-то скрытую пружину?

И тут сверху донесся непонятный, но от того не менее противный скрежет. Дыра начала медленно затягиваться, словно ее с немалыми усилиями задвигали тяжелой крышкой. Пружина пружиной, но на место ее возвращали вручную, не торопясь выражать соболезнования распростертому внизу телу. Напротив, вверху что-то подозрительно загрохотало, глухо и зловеще, словно к дыре катили здоровенный камень. Эта мысль мигом поставила меня на ноги, вернее, на четвереньки. Не претендуя на большее, я резво уползла в центр дворика. Вовремя – на то место, где я только что лежала, упал... нет, не камень, а горящий факел, ярко высветив землю под дырой.

Я затаила дыхание, но таинственный метатель оставил эмоции при себе. Крышка со щелчком встала на место, и все стихло.

Поколебавшись пару минут, я вернулась и подобрала факел. Просмоленная ветошь на его конце не успела даже почернеть, и пламя радостно обволокло ее со всех сторон. Видимо, его зажгли об один из настенных факелов и тут же сбросили вниз. Интересно, кому взбрело в голову бродить по замку с запасным факелом, если они здесь на каждом углу?

Я покосилась вверх и пробормотала заклинание левитации еще раз. Безуспешно. Страх – страшная сила, другого объяснения я не видела. В любом случае назад меня все равно не пустят. Хотя совсем не помешало бы с возмущенным «эй, что за дурацкие шуточки?!» помолотить по плите кулаком, а утром послушать, кто из рыцарей заикается...

Опустив факел, я пошла к калитке, но там меня ожидало очередное разочарование. Дверь оказалась заперта. Я дернула за кольцо, и снаружи неподкупно брякнул железный засов. С крюком, замком или легкой щеколдой я бы еще справилась, но отодвинуть эту тяжеленную орясину магией вряд ли удастся, проще саму дверь выбить.

Решать проблему выхода столь радикально мне не хотелось, как и объяснять сбежавшимся на шум рыцарям, как я сюда попала. Можно, конечно, открыть телепорт и пройти сквозь дверь, но кто может поручиться, что там нет второго такого же дворика? Это тоже больше дневное заклинание, ночью его хватит только на два-три раза. Я досадливо поглядела вверх, где призывно покачивало ставнями окошко на четвертом этаже. А что, не так уж и высоко – саженей восемь. И уж точно ближе, чем по лестнице.

Я подергала за плющ обеими руками. Вроде крепкий. Узловатый комель был не тоньше древесного, правда, состоял из нескольких сросшихся стеблей, которые расходились в стороны на высоте около аршина.

Зажав в зубах конец факела, я с опаской начала восхождение. Лезть оказалось удобно, хоть и страшновато. Плющ намертво врос в кирпичную кладку, гибкие веточки так прочно и часто переплелись, что я с трудом засаживала в них носок сапога. Зато потом нога стояла как влитая. Главное – вниз не смотреть.

До второго этажа я долезла быстро и без приключений. Остался третий, самый короткий, то есть низкий. Я перебралась ближе к столбцу окон, удобно пристроила ногу на краю подоконника третьего этажа и только собралась чуть передохнуть, как вдруг в глубине комнаты мелькнул слабый огонек – свеча или лучина. Раздавшийся вслед за тем визг чуть не отправил меня в повторный полет. Покрепче уцепившись руками за ветки, я заглянула

в окно и увидела толстую бабу в белой ночной сорочке, застывшую посреди комнаты с надкушенной бараньей ляжкой в волосатой руке. Баба, кажется, увидела меня немного раньше...

Не успела я удивиться, что делает в замке еще одна женщина, как опознала в ней Верховного магистра, пример святости, аскетизма и верности обетам, ревностно умерщвляющего, как оказалось, не только свою плоть, но и баранью.

Не придумав ничего умнее, я приветственно помахала ему рукой и полезла дальше.

Визг грянул с новой силой, по коридору загромыхали шаги, но я уже перевалилась животом через край подоконника и тяжело рухнула на пол своей комнаты. Выплюнув факел и отдышавшись, я с размаху зашвырнула потухшую палку подальше в темноту и тихонько прикрыла ставни. Вот гхыр собачий, лучше бы я действительно не вылезала из постели!

...Паника не стихала еще добрых два часа, да и потом во всем замке до самого утра хлопали двери. Естественно, умертвие категорически отказалось являться в такой нервной обстановке. На всякий случай дождавшись рассвета, я с чистой совестью улеглась и попыталась предаться мыслям о вечном, но возмутительно быстро уснула.

* * *

На завтрак хлебосольный Фендюлий ниспослал собственно хлеб и соль, причем у ломтей был такой вид, словно святой кромсал их собственноручно еще в молодости. Зато духовная пища оказалась на высоте! Верховный магистр, стоя посреди трапезной с воздетыми к потолку руками, вдохновенно вещал:

– Братья мои, внимайте и содрогнитесь, ибо ночью меня посетило умертвие! Оно парило перед окном, но было бессильно переступить через стоящий на подоконнике ларец с зубом святого Фендюлия и лишь оставило на нем отпечаток своего копыта!

Рыцари с изумленными оханьями передавали пресловутый ларец по рукам. Хм, а я-то в темноте приняла его за ящик для цветов...

– Госпожа ведьма, – Тивалий с заметным усилием разжевал и проглотил кусок хлеба, поскорее запив водой, – неужели вы ничего не слышали?

Я неопределенно пожала плечами, заворачивая свою порцию в платок и запихивая в карман. Надеюсь, Смолке удастся подзакусить щедрым фендюлинским даром с меньшим ущербом для зубов и желудка.

– И никуда не выходили? – насторожился парень, не спускавший глаз с моего лица.

– Только в уборную, – невозмутимо призналась я. – А что?

– Но если бы вы пошли куда-нибудь еще, вы бы меня позвали, верно? – продолжал настырно допытываться Тивалий.

– Всенепременно. – Я поднялась с места. – Предупреждаю: сейчас я иду на кладбище.

– Зачем?! – поперхнулся оруженосец.

– Хоронить свои мечты о завтраке, – съязвила я, направляясь к двери. – Так что забирай его скорбные останки и замыкай процессию!

* * *

– Да-да, вы не ошиблись – это я, ваша постоянная и самая любимая клиентка! – жизне-радостно воскликнула я, успев сунуть носок сапога в щель между косяком и дверью, которую не иначе как по недоразумению попытались захлопнуть у меня перед носом.

Корчмарь не настолько преуспел в искусстве фальшивых улыбок. С такой grimасой ему была прямая дорога к цирюльнику.

– Как приятно, что вы меня подождали! – Я, продолжая лучиться не хуже королевской лысины на солнышке, небрежно перевернула висящую на двери табличку «Закррито».

Корчмарь неохотно выпустил бесполезный засов, пропуская нас в заведение. Я прямоком направилась к облюбованному столику у окна, сев вполоборота к пустому залу. Тивалий робко пристроился на краешке стула, сложив руки на коленях.

– Ну-с, уважаемый, чем вы меня сегодня побалуете?

По мрачному сопению можно было предположить, что крысиной отравой, но на поданном блюде золотистой горкой возвышалась жареная рыба.

– Угощайся. – Я передвинула блюдо на середину стола.

Парень сглотнул набежавшую слюну:

– Но Верховный магистр сказал...

– Не переживай, для тебя он сделал исключение. За вредность работы.

– Правда?! – оживился Тивалий.

– Правда-правда, можешь сам у него спросить. Только сначала передай ему, что я очень интересовалась, распространяется ли пост на баранину в темное время суток.

Следующие десять минут за столом царили торопливое чавканье и жадное причмокивание. За пять часов я успела осмотреть целых два кладбища – рыцарское и сельское, а также найденный в леске лошадиный череп, – но умертвием и его верным скакуном там и не пахло. Зато мы с оруженосцем так зверски проголодались, что, выскочи из кустов какой-нибудь опрометчивый гуль или мроед, еще неизвестно, кто бы кем поживился.

– А почему именно ворон? – Утолив первый голод, я бесцеремонно ткнула пальцем в чеканный орденский знак, приколотый к кольчуге Тивалия. – Мне кажется, название «Орден святого Фендюлия» подошло бы вам куда больше.

– Но, госпожа ведьма, Фендюлий сам основал этот орден! Не мог же он назвать его своим именем.

– Ну, увековечил бы верного коня или даму сердца. Розу какую-нибудь на худой конец. А при чем тут этот прихлопнутый щитом альбинос?

– Ворон символизирует мудрость, а белый цвет – добро. – Парень честно попытался воспроизвести одухотворенный взгляд и голос магистра, преподававшего ему устав ордена. С набитым рыбой ртом это оказалось не так-то просто. – Фендюлий был первым Верховным магистром, коий голова для всего ордена, а магистры – когти, то бишь его опора и грозное оружие.

– А крылья? – заинтересованно уточнила я.

– Как перья в крыльях, большие и малые, так и простые рыцари с оруженосцами несут Белого Ворона к священной победе над врагами.

– Гениально. Про хвост и прочие органы, полагаю, спрашивать не стоит. Фендюлий наверняка предусмотрел какое-нибудь высокопарное определение и для них.

Я откинулась на спинку стула, поглаживая сытый живот. Несмотря на все старания и неподдельный энтузиазм, съесть всю рыбу мы не смогли. На этот раз корчмарь действовал по принципу «чтоб тебе подавиться, проклятой!», не преминув стребовать с меня полную стоимость добрых шести фунтов рыбы.

Расплатившись, я выставила полупустое блюдо на подоконник, где им тут же заинтересовалась черная лошадиная морда со всеядной ориентацией. Корчмарь скорчил такую рожу, словно я лишила ужина не пару-тройку поросят, а по крайней мере его дорогую матушку.

– Куда теперь? – Тивалий, видя, что я встаю, чуть не опрокинул стул, торопясь распахнуть передо мной дверь.

– В замок. Раз мы не обнаружили физических следов умертвия, значит, нужно искать магические. – На пороге я обернулась. – До свидания, уважаемый! Было очень приятно иметь с вами дело.

Отчетливый зубной скрежет дал понять, что корчмарь не разделяет моего восторга ни по поводу нашего знакомства, ни следующей встречи.

* * *

За оставшиеся полдня я едва успела осмотреть первый этаж. Зато очень добросовестно: коридоры так петляли, ветвились и сходились, что по некоторым из них я проходила дважды, а то и трижды, не замечая разницы. В один здоровенный зал с ведущими наверх лестницами я вообще попадала раз десять, из чего заключила, что он находится в центре этажа.

Тивалий, думая, что так и надо, молча топал за мной. Правда, в некотором отдалении, чтобы никто не заподозрил его в причастности колдовским жестам и словам, изредка срывавшимся с моих губ вперемежку с более понятными и сочными.

Магические следы я действительно нашла, причем во многих местах. Во-первых, на треклятых винтовых лестницах. Гномы, вынужденные в конце концов сдать замок под ключ (и это после того, как несколько их поколений благополучно кормились с долго-строя!), мстительно наложили на лестничные столбы заклятие утроения. Реально на каждом этаже оказалось по тридцать – сорок ступеней. Зато башенная лестница за счет этого ужалась почти впятеро – не зря я удивлялась несоответствию между ее высотой и количеством ступенек. Но, поскольку межэтажными лестницами пользовались куда чаще, гномам этой нехитрой перестановкой удалось-таки здорово напакостить жильцам. Снятие заклятия отняло бы у меня слишком много сил и времени (возможно, потом, за дополнительную плату...), так что я ограничилась индивидуальным порталом.

Во-вторых, магией так и разило от проходивших мимо рыцарей. «На Фендюлия надейся, а сам не плошай», – благоразумно рассуждали они и на всякий случай заговаривали мечи от иззубривания, а доспехи от ржавчины и скользящих ударов (с прямыми дела обстояли хуже, ибо «против лома нет приема»). Естественно, о своих визитах в «обитель зла», то бишь в лавку мага, рыцари скромно умалчивали.

А в-третьих – и это уже куда интереснее! – по всему замку, кое-где едва заметно, а местами довольно отчетливо, ощущались магические возмущения совершенно непонятного мне происхождения и назначения. Похоже на чистую стихийную магию, но словно уже кем-то отработанную и для другого мага непригодную.

Я в раздумье остановилась напротив высоченной дубовой двери в обрамлении косяка с затейливой резьбой. Сосредоточенно прикусив губу, пробежалась по створкам чуткими кончиками пальцев.

– Госпожа ведьма, вам сюда нельзя! – неуверенно попытался протестовать парень.

– Почему?

– Ну... здесь находятся святые мощи отцов-основателей ордена, в том числе самого Фендюлия!

– И что? – равнодушно отозвалась я, обеими руками дергая за литое кольцо в виде ворона с сомкнутыми над головой крыльями. Дверь со скрипом поддалась, пахнуло могильным холодом. – Они будут против моего визита?

– Они – не знаю, а вот магистрам это точно не понравится! Они решат, что вы оскорбляете святыни!

– Что же это за святыни, если их можно оскорбить одним взглядом? – хмыкнула я, скептически изучая ряд из пяти саркофагов.

Над каждым висело полотно в позолоченной раме, запечатлевшее святого в наиболее ответственный момент его жизни. Кто-то старательно исцелял целую толпу безногих и безруких нищих, кто-то с укоризненным лицом и добрыми-предобрыми глазами насквозь прон-

зал дракона светящимся копьём, кто-то вдохновенно читал прослезившемуся упырю молитвенник...

– А вы что, смотреть на них собрались?! – пришел в еще больший ужас паренек. Закрывать за собой дверь, кстати, не забыл, молодец.

– А как иначе мы узнаем, не сдвигает кто-нибудь из них по ночам крышечку? – Я беспрестанно постукала костяшками пальцев по мраморной плите. Святой Фендюлий хранился в центральном саркофаге, запертом на огромный замок амбарного типа (видимо, чтобы рыцари не растащили его на амулеты подчистую). Картина над ним принадлежала кисти другого художника, более раннего и реалистичного: Фендюлий, в виде исключения, просто ему позировал, сложив руки на оголовье вертикально установленного меча. Никаких нимбов, белых крылышек и общественно полезных деяний – темноволосый мужчина в простой кольчуге устало улыбался с портрета, при этом так лукаво прищурившись, словно видел меня насквозь.

Я не могла поклясться, что странная магическая сила исходит именно от него, но возле гробницы ее следы были намного отчетливее.

– Что вы, госпожа ведьма! – ужаснулся оруженосец. – Святые оберегают покой жителей замка, а не разъезжают по нему в непотребном полуистлевшем виде!

– Вот сейчас и проверим, – непрерываемым тоном объявила я, снимая с саркофага серебряную вазочку с пролесками.

Поставив ее на пол, я наклонилась и внимательно осмотрела замок. Сквжина-то в нем была, но залитая оранжевым воском с оттиском орденской печати. Я аккуратно покрутила замок, подергала за петли, прикидывая, каким бы заклинанием воспользоваться. Проще всего, наверное... что за ерунда? Нижняя петля как-то подозрительно болталась из стороны в сторону. Я усилила нажим и с изумлением обнаружила, что ее то ли забыли прикрепить, то ли отвинтили позже.

– Отойди-ка. – Я засучила рукава и пошире расставила ноги, словно собиралась открывать саркофаг голыми руками.

– Ой, госпожа ведьма, а может, все-таки не надо? – обреченно пискнул оруженосец. – Вдруг святой Фендюлий возмутится, что вы без спросу потревожили его покой?

– Извинюсь и совру, что ошиблась крышкой. Выйди в коридор, если боишься.

Тивалий зажмурился и отвернулся. После парочки пассов крышка беззвучно сдвинулась в сторону, и я, подсвечивая себе факелом, с интересом склонилась над щелью шириной в две с половиной ладони.

– Неудивительно, что в замке нечисто, – пробормотала я, изучая внутренность глубокого мраморного ящика. – Фендюлий-то тью-тью...

Оруженосец подскочил как ужаленный. Впился в саркофаг такими вытаращенными глазами, что я всерьез обеспокоилась, как бы он их туда не уронил.

– Как?! А где же он?

Я пожала плечами:

– Полагаю, выехал на прогулку. У вас здесь нет случайно саркофага со святым конем?

Но Тивалий был не в том состоянии, чтобы воспринимать мои шутки:

– Какой ужас! Надо немедленно сообщить Верховному магистру!

– И признаться, что мы без приглашения вломились к Фендюлию в опочивальню? Не советую. – Я для верности еще раз заглянула в саркофаг. Святой, разумеется, не появился.

– Мы?! Это вы туда полезли!

– А почему ты меня не остановил?

От такого вероломства у парня отвисла челюсть. Возможно, через пару минут он и сумел бы дать мне достойную отповедь, но тут из коридора послышались чьи-то оживлен-

ные голоса. Лицо оруженосца, и без того не пышущее румянцем, приобрело нежный зеленоватый оттенок.

– О боги, это магистр Терен! Утром он обмолвился, что приведет в святилище нескольких паломников, нижайше испросивших разрешения помолиться в святом месте! Если он обнаружит вас здесь, он меня убьет!

Я вздохнула. Ведьму-то магистр не тронет – побоится, а вот парнишке действительно может влететь. Второго выхода из святилища не было, расставленные повсюду свечи освещали каждый уголок. Как на грех, в этом месте коридор не удосужился сделать ни одного изгиба, и, выйди я тем же путем, магистр меня сразу увидит. Плести заклятие невидимости было некогда, но кое-что я все-таки успевала.

Приняв решение, я не любила медлить и смело закинула ногу на бортик саркофага.

Оруженосец издал трепещущий стон, по тональности схожий с предсмертным. Оборачиваться и проверять, не хватил ли его удар от такого кощунства, времени не было. За правой ногой последовала левая, а с ней и все мои три с половиной пуда, плюхнувшиеся на живот. Крышка со щелчком встала на место.

В саркофаге, к моему огромному удивлению, оказалось весьма комфортно. Мраморные прожилки, снаружи угольно-черные, пропускали в гробницу тусклый голубоватый свет. Воздух и звуки проникали сквозь аккуратно высверленные в изголовье дырочки. Я перевернулась на бок и прислушалась.

Как раз в этот момент алчущие фендюлинских мощей паломники шумной гурьбой ввалились в святилище.

– Что ты здесь делаешь, Тивалий? – несколько удивленно, но без раздражения поинтересовался Терен. Я вспомнила его по голосу – высокий костлявый мужчина лет сорока, с черными вислыми усами, придававшими лицу унылый вид.

– А... я... принес святому Фендюлию свежие цветы! – нашелся паренек, ставивший на место вазочку.

– Весьма, весьма похвально. – Магистр благосклонно потрепал Тивалия по макушке. – Из этого отрока выйдет достойный муж, отважный и великодушный!

Паломники одобрительно загалдели. Судя по голосам, у саркофага их столпилось не меньше дюжины. Парень, не дожидаясь, пока магистр вспомнит о вверенной его заботам ведьме, поклонился и выскочил из святилища, прикрыв за собой дверь.

Паломники приблизились и обступили саркофаг со всех сторон. Магистр, заняв почетное место у меня, то есть у Фендюлия, в ногах, скромно кашлянул, привлекая общее внимание, и начал прочувственную речь:

– Братья мои! Вы видите перед собой величайшую реликвию и святыню – в этой скромной гробнице черного мрамора покоится основатель ордена Белого Ворона святой Фендюлий...

На несколько мгновений его голос потонул в восхищенных вздохах и шепотках. Меня так и подмывало поправить, что в данный момент тут покоюсь я, ничем не хуже, к тому же молодая и красивая собой. Кстати, черный мрамор в Стармине шел на вес серебра, святому грех было жаловаться.

– ...образец благочестия, целомудрия, кротости и смирения, – входя во вкус, со все большим упоением вещал магистр, – а также прочих добродетелей, неисчислимых и неизмеримых, коих с избытком хватило бы на всех наших братьев! И даже когда я просто стою рядом с местом его последнего упокоения, я чувствую, как на меня снисходит благодать, а душа переполняется неземной радостью!

– Да, да, брат, мы тоже это чувствуем! – благоговейно подхватил нестройный хор.

– Иногда мне даже кажется, – с надрывом продолжал магистр, выжимая слезу, – что я слышу его дыхание...

Семь ушей одновременно приложились к крышке. Я инстинктивно замерла на вдохе, хотя отлично понимала, что сквозь увесистую мраморную плиту можно услышать разве что храп.

– Да! Я слышу его!!! – по прошествии напряженной минуты раздался чей-то экзальтированный вопль, заставивший меня вздрогнуть.

– И я! И я тоже! – загомонили паломники. Кто-то, возрыдав от счастья, пал на колени и начал биться лбом о боковину саркофага. Братья бросились его оттаскивать (больше радея о священной гробнице, нежели о лбе) и, воспользовавшись оказией, тоже стукнулись по разочку...

– Ну а теперь, – деловито прозвучал голос магистра, – пожертвуйте святому Фендюлюю кто сколько может, и его благодать навсегда останется с вами!

Паломники охотно зазвенели кошельками. Деньги для передачи святому собирал магистр, и что-то подсказывало мне, что процент за посредничество мало отличается от общей суммы пожертвований.

Восторженный обмен впечатлениями потихоньку переместился в коридор. Магистр одобрительно похлопал Фендюлюю по крышке, благодаря за сотрудничество, и вышел следом.

Выждав для верности пару минут, я вылезла из саркофага.

– А был ли Фендюлий? – задумчиво спросила я портрет.

Кого-то он мне напоминал, но вот кого именно... Леший его знает, может, и был, но не здесь. Запаха тлена я в саркофаге не учуяла и, судя по идеальной чистоте стенок, оказалась его первым постояльцем. Похоже, святые фендюлинские мощи были всего-навсего приманкой для легковверных паломников с тугими кошельками. И знали об этом лишь единичные посвященные, скорее всего, магистры. Кто-то же изредка полеживал в «запертом» саркофаге, старательно сопя, вещь или просто подглядывая в щелочку...

Тивалий околачивался возле двери, изнывая от волнения:

– Ну что, госпожа ведьма?!

– Если ты о Фендюлии, то я его так и не дождалась. Может, записку стоило оставить? – задумчиво прикинула я.

– Это не он!!!

– Не поверю, пока лично с ним не побеседую.

Парень обиженно насупился. Открыл было рот, но, раздумав, так ничего и не сказал.

– Брось дуться, – примирительно сказала я, легонько толкая его локтем в бок. – Давай сначала найдем вашего святого и убедим его вернуться на место, а потом уже расскажем обо всем Верховному магистру. Пока что, думаю, у него и без Фендюлия головной боли хватает.

Оруженосец еще немного помолчал, рассеянно теребя свой вороний знак, но потом все-таки кивнул и попытался улыбнуться.

* * *

Эльфийская слива зацвела на пару недель раньше обычной, помня о теплой весне своей родины, Ясневого Града. Невысокие раскидистые деревья, сплошь усыпанные багряными цветами размером с кулак, традиционно украшали дворцовые и храмовые парки, но, прихваченные коварными белорусскими заморозками, плодов не давали. А жаль – эльфы гнали из багряных слив отменную наливку, которую потребляли на каком-то ритуальном празднике, собственно ради потребления и затеваемом.

Стоя у широкого окна галереи, я задумчиво любовалась пламенеющим деревом. Закатные лучи, расплесканные по камням мостовой, создавали для него изумительный фон из оттенков алого и оранжевого, словно вокруг огромного костра.

Осмотр второго и третьего этажа мы отложили на завтра. Тивалий, выклянчив у меня честное рыцарское слово (ха-ха!), что через десять минут застанет меня на том же месте, куда-то умчался. Впрочем, я никуда и не торопилась. Постою немного, уложу в голове сегодняшние впечатления и поднимусь в свою комнату. Авось удастся вздремнуть часок-другой перед второй попыткой свести знакомство с загадочным умертвием.

Оруженосец что-то запаздывал. Посчитав себя свободной от обещания, я оторвалась от окна и пошла к лестнице.

– Госпожа ведьма, погодите! – окликнул меня чей-то голос. Я удивленно pokrутила головой и заметила пристроившегося в уголке живописца, полускрытого мольбертом. Видимо, он стоял здесь давно, еще до моего прихода, в порыве вдохновения успев перепачкать красками не только руки, но и лицо. – Не могли бы вы еще немножко постоять в этой позе? Да, и голову влево поверните, чтобы свет на лицо падал! Вот так, чудненько!

Рыцарь с удвоенным энтузиазмом зашуровал кистью. Польщенная, я послушно замерла еще на пару минут. К сожалению, уделить процедуре запечатления моего милого облика больше времени я не могла и, обойдя мольберт, с любопытством заглянула художнику через плечо.

Великая сила искусства заставила меня оцепенеть с открытым ртом.

Вверху, как пришипленный булавками, распластался белый ворон. По бокам порхала парочка окрыленных святых, вдохновенно тренькающих на гусях. Посреди пестроцветного поля кружком расположились коленапреклоненные магистры, умиленно вззирающие на разгоравшийся костер. На лице привязанной к столбу ведьмы застыло жесткое, ехидное и вместе с тем мечтательное выражение, которого я от себя никак не ожидала.

– Вы не волнуйтесь, это только набросок! – торопливо начал оправдываться живописец. – И вообще, всего лишь художественный образ!

– Ах, набросок? – От моего задумчивого тона творческая личность как-то погрузнела и сникла, не мешая мне отдиравать полотно от мольберта. – Ах, образ?!

Рыцарь понял, что я безнадежно далека от искусства, и, подхватив кисти, дал деру, пока я не порвала его вместе с полотном, которое, кстати, я аккуратно скатала в трубку и сунула за пояс. Подарю Школе Чародеев – то-то смеху будет! Особенно если я наконец соглашусь прочитать там курс лекций по практической магии и лично поведу студентов на экскурсию в музей...

* * *

Судя по догорающей свече, проснулась я около полуночи. Бесшумно оделась, распихала по карманам заранее выставленные на стол флаконы и амулеты, волосы скрутила и заколола на затылке. По привычке потянулась к мечу, но, уже коснувшись ножен, досадливо отдернула руку.

Стоило мне вроде бы осторожно потянуть на себя дверь, как с той стороны что-то зазвенело, загромыхало, и я с возмущением обнаружила рухнувшую конструкцию из стального рыцарского сапога, насаженного на прислоненную к двери палку. Тивалий выскочил из соседней кельи, как камень из орочьей пращи.

– Ага, так я и знал! Нет уж, госпожа ведьма, дважды вы меня не проведете, сегодня я пойду с вами!

– Пошли, – охотно согласилась я, – А ты спать не хочешь?

– Нет, ни в одном гла... – Под моим пристальным взглядом оруженосец поскущел, зевнул и, шагнув назад, медленно осел на кровать.

– А по-моему, все-таки хочешь, – с усмешкой заключила я, накрывая его одеялом. – Тоже мне герой выискался! Как будто без тебя не разберусь...

...С умертвием, может, и разобралась бы, но здешние коридоры оказались мне не по зубам. Спустившись на третий этаж, я опрометчиво свернула в боковой коридор и, разумеется, уже через десять минут окончательно и безнадежно заблудилась. Поплутав еще с полчаса, я сдалась и присела на краешек одной из стенных ниш, под горящим факелом. Разумеется, смерть от голода и жажды мне не грозила, но стучаться в двери и долго доказывать, что это не коварное умертвие, я постеснялась. В конце концов какая разница, где устраивать засаду? Вдруг нежить решит выгулять свою бесплотную животинку как раз в этом коридоре?

Погасив факел, чтобы избавиться от предательской тени, я забралась в нишу целиком, с ногами. Скошенные боковые стенки хоть и закрывали от меня большую часть коридора, зато не менее надежно защищали от чужого взгляда, давая возможность увидеть его владельца на секунду раньше. Пользоваться маскирующими заклинаниями я не рискнула – иная нежить чует магию еще лучше, чем запах живых существ.

Только я успела смириться с мыслью о долгом нудном ожидании, как ближайший факел сердито фыркнул, чихнул дымком и угас. Я торопливо выставила вперед ладонь. Так и есть! Следы простенького, но эффективного заклинания, растаявшие прежде, чем я успела определить уровень мастерства и основную стихию мага. Оно пришло откуда-то издалека, слева, за считанные секунды погрузив коридор во тьму.

Я замерла, как мышь под веником, вся обратившись в слух. И почти сразу различила неспешный цокот копыт. Странный, очень непривычный и в то же время знакомый звук. Слишком громкий для призрака, слишком тихий и потусторонний для настоящего рыцаря. Лошадь как будто шла на цыпочках, причем неподкованных, а тихое позвякивание, изредка вплетающееся в постукивание, никак не могло принадлежать рыцарскому броненосному коню. И больше ничего! Ни храпа, ни сопения, ни скрипа седла... ни какой-либо магии.

Не удержавшись, я выглянула из-за краешка ниши. За шиворот скользнул мерзкий холодок, пупырышками разбежавшийся по спине. Что-либо разглядеть в царившей снаружи темноте не смогла бы и кошка. Я дрожащей рукой сотворила поисковый импульс, пустила вдоль коридора... и тут-то мне стало по-настоящему жутко!

В коридоре никого не было. Да что же это за дрянь, если не порождение магии и не живое существо?!

Стук копыт участился, как будто я свистнула, выдавая свое местонахождение. Лошадь целеустремленно рысила ко мне, уже не отвлекаясь на обнюхивание пола!

До источника звука оставалось не больше сажени, когда мои нервы не выдержали. Факелы полыхнули чуть ли не до потолка, ярко высветив коридор, по которому неспешно топала... Смолка. Видимо, она шла по моим следам, а почуввав знакомое заклинание, уже без колебаний поскакала навстречу. И я же сама на днях заплела ей в хвост заговоренную ленточку, чтобы эту паршивку нельзя было засечь с помощью колдовства!

Выбравшись из ниши, я изловила кобылу под уздцы. Растерянно почесала ее за ухом: – Ты-то как сюда попала, подруга?

Смолка загадочно прищурила желтые глаза. С ременного недоуздка свисал обрывок цепи, на конце словно расплющенный молотом. Он-то и звякал в такт шагам. Поскольку рыцари пользовались исключительно жеребцами, в общую конюшню кобылу не пустили, привязав в закутке возле кузницы. Оборвать цепь и отправиться на ночную прогулку вполне в ее духе, как и взобраться по ступенькам. Но кто открыл ей ворота? Решетки? Входную дверь? И как она умудрилась протиснуться по винтовой лестнице?!

По крайней мере теперь я хотя бы приблизительно знала, в какой стороне эта самая лестница находится. Снова лезть в нишу не было смысла. Неведомый маг больше не покушался на факелы – видимо, я его спугнула, а для полного успеха засады на мертвие мне не хватало только ошивающейся рядом кобылы! Надо поскорее выгнать эту поганку из замка, но как?

Мы со Смолкой прошли не меньше сорока сажень, а коридор все не кончался. Лестница соответственно не начиналась. Наконец, к моей величайшей досаде, мы очутились в галерее с окнами, выходящими во внутренний двор. Я точно помнила, что лестниц возле нее нет. Лучше бы я помнила, где они есть...

Пока я пыталась сориентироваться, кобыла отошла в сторону и, беззвучно взвизвись на дыбы, потянулась к еловому веночку, приколоченному над одной из дверей. Я торопливо шикнула на бандитку, и Смолка, разочарованно фыркнув, опустилась на все четыре ноги, успев-таки подцепить веночек клыками.

Мы немножко поперетягивали ее добычу. Не сказать чтобы мой авторитет победил... скорее веночек проиграл, разделившись на две неравные части. Меньшая немедленно исчезла у кобылы в желудке, а большую я с четвертой попытки забросила обратно, и она криво повисла на гвоздике.

Кстати, а куда ведет эта дверь? На жилую комнату не похоже, да и засов снаружи. А внутри... я поспешно, но совершенно напрасно отскочила назад. В просторной келье стояли всего лишь пустые доспехи, надетые на сколоченные из палок каркасы.

Я на всякий случай приподняла рыцарю забрало, но умертвия под ним не обнаружила.

– «Сие есть броня и оружие святого Фендюлия и его благословенного коня», – прочитала я, поднеся потрескивающий факел к стоящей рядом табличке. – Надо же, даже конь у него сумел отличиться. Смолка, не хочешь взять пример?

Кобыла скептически фыркнула, давая понять, что с такой хозяйкой в «благословенные» ее все равно не возьмут.

– Ну примерь хотя бы. – Я сняла с подставки железную конскую морду с аршинным рогом во лбу и нахлобучила ее на Смолку. – Знаешь, а тебе идет!

Лошадь мрачно покосилась на меня сквозь треугольные прорезы. Я, увлекшись, заодно переложила на нее кольчужную накидку и седло с широкими стремянами на цепях. К задней луке была приварена изогнутая стальная полоса с гребнем вроде драконьего, доходящая до трети хвоста. Возмущенно махнув оставшейся частью, кобыла развернулась и, неуклюже поднимая ноги, потопала к двери.

Мое внимание переключилось на еще один уникальный экспонат. Возле рыцаря, на подушке с кистями, лежал здоровенный меч. Судя по нему, у Фендюлия было как минимум три оруженосца – двое надорвались бы при переноске этой орасины, а один бы ее просто не поднял. Как и доспехи, меч выглядел совсем новехоньким, словно только что из кузницы. Или из ювелирной мастерской – драгоценных камней на нем было не меньше фунта, плюс золотая рукоять. Враги небось становились в очередь, чтобы сразиться именно с Фендюлием и захватить этот заманчивый трофей. Постойте-ка... а что это за клеймо на ее торце? Свернувшийся клубком василиск, метка известного гномьего оружейника, здравствующего и поныне, если не ошибаюсь. По крайней мере, три месяца назад он был очень даже жив и втридорога содрал с меня за якобы «вечный» меч из «особого» сплава. Я нарочно не выбрасывала рукоять, чтобы при следующем визите в кузницу сунуть ему под нос как бирочку на скидку. Фендюлию повезло больше: он не дождал до гномьего клиента каких-то ста лет. Иначе, возможно, геройски пал бы в бою куда раньше...

– Похоже, Смолка, это такая же фальшивка, как и саркофаг. Еще одна приманка для доверчивых паломников. – Я задумчиво повертела в руках шлем с двумя серебряными крылышками по бокам. Не удержавшись, нацепила на голову и попыталась рассмотреть себя

в начищенный до блеска щит. – М-да... с другой стороны, просто бесценная вещь для психической атаки... да и о прическе можно не беспокоиться. А ты как считаешь, Смолка? Смолка! Эй!

Кобыла исчезла. Я торопливо выглянула в коридор. Никого! Неуверенно посвистела. Тишина! Как, куда она могла бесшумно ускакать в такой куче железа? А что, если она попадет кому-нибудь на глаза?!

– Смолка!!! – завопила я, забыв о конспирации. – Иди сюда сию же секунду, а то хуже будет!

Коридоры еще не успели переварить раздробившееся в них эхо, как в противоположной стороне зародился и начал быстро нарастать знакомый лязгающий грохот.

– А, вот ты гд... – Я обернулась, и слова застряли у меня в горле. На макушку что-то мягко шмякнулось, но сегодняшний лимит удивления был исчерпан, и я даже не потянулась проверить, кто и чем меня осчастливил.

Это была не Смолка! На меня, потрясая огромным мечом, на здоровенном коне в шипастых доспехах мчалось долгожданное умертвие, тускло светясь всеми костями, в том числе лошадиными. Глаза всадника горели алым огнем, коня – зеленым. Звон доспехов смешивался с сухим стуком костей.

Мне бы подпустить сладкую парочку поближе и бить наверняка, но им удалось произвести на меня такое неизгладимое впечатление, что я пальнула в них, не задумываясь и даже почти не целясь.

Пульсары срикошетили от доспехов и пошли зигзагами скакать вдоль коридора, от стены к стене, высекая из камней искры. Умертвие торжествующе, но, увы, напрасно взревело – и без того перепуганный конь с истошным ржанием взвился на дыбы, после чего развернулся и поскакал в обратную сторону. К явному неудовольствию всадника, который выразил свой протест, свалившись на пол.

Пару минут мы ошеломленно пялились друг на друга, затем умертвие (видимо тоже составившее обо мне не лучшее представление) ловко вскочило на ноги, подхватило меч и бросилось наутек, точнее, наупрыг из окна.

Остановить его я все равно не успевала и, метнувшись к ближайшему проему, опасно перевесилась через подоконник.

Как раз в этот момент умертвие без раздумий сигануло вниз.

Прицелилось-то оно хорошо, профессионально, вот только не учло, что под окном стоит не его костлявая скотина и даже не флегматичный рыцарский тяжеловоз.

Подозрительно знакомая лошадь в рогатом шлеме в последний момент коварно шагнула вперед, и мертвец приземлился чуть подалее задней луки, на гребне.

Скелет скелетом, латы латами, а от последовавшего за прыжком вопля на впечатлительной эльфийской сливе осталось не больше половины цветков. Смолка, в первую секунду присевшая на задние ноги, резко их распрямила, заодно от души поддав задом. Умертвие, описав красивую дугу, вместе с отломившимся гребнем головой вперед улетело под арку, где, судя по звуку, раскатилось на отдельные кости. Запустить в него пульсаром я не успела. Ругаясь последними словами, втянулась обратно в коридор и со всех ног побежала в ту сторону, где, по моему мнению, должна была находиться лестница. Как ни странно, там она и оказалась. Прыгая через три ступеньки, а в одном месте оступившись и пролетев целых семь (спасли перила, взамен чуть не вывихнув уцепившуюся за них руку), я за каких-то пять секунд преодолела оба пролета. На первом этаже я худо-бедно ориентировалась и без колебаний свернула налево, а потом направо и в среднюю дверь.

Естественно, умертвия в бессознательном или любом другом состоянии я под аркой уже не застала. У стены валялся только гнутый кусок ржавого железа, в котором я после долгих размышлений опознала налокотник с оторванной дужкой. Чуть подалее мерт-

вым сном почивали в обнимку два стражника и одна пустая бутылка. Связка с ключами от трех коридорных дверей-решеток торчала в скважине последней. Разумеется, все они были открыты. Призывно свистнув Смолке, я вскочила в седло и, заранее пригнувшись, ударом пяток послала ее в галоп. С ветерком пролетев коридор, я притормозила, повертела головой. Никого! Наружный двор тонул в темноте, на фоне крепостных стен светилась лишь прореха наружных, ворот, тоже распахнутых настежь. Полёгшие возле моста стражники не менее успешно провели дегустацию загадочного алкогольного напитка. Успокоенная разноголосым храпом, я не стала возле них задерживаться, но по ту сторону рва снова натянула поводья. Разгоряченная кобыла приплясывала на месте, ей не терпелось мчаться дальше. Вот только куда?

И тут вдалеке мелькнул силуэт всадника, скачущего прочь от замка. Правда, откуда-то со стороны леса, но возможно, там он разживался запасным конским скелетом. Я помотала головой, прогоняя дурацкую картинку: запыхавшееся умертвие торопливо отрывает своего верного скакуна ржавой лопатой, загодя припрятанной в кустах.

Кобыла его тоже заметила и, стоило поводьям провиснуть, сорвалась в карьер. Доспехи подняли невообразимый грохот, я мгновенно оглохла. Железное седло, рассчитанное на бронированный рыцарский зад, нещадно пинало мой собственный. В довершение всех бед я, не знакомая с устройством конских доспехов, не закрепила как положено кольчужную накидку на лошадином крупе, и теперь она летала вверх-вниз, хлопая то меня по спине, то кобылу по заду.

Впрочем, Смолку это только подгоняло. Обычного коня мы бы уже давным-давно настигли, а этот словно бы не слишком и торопился, однако расстояние между нами почти не сокращалось. Несколько минут назад я могла поклясться, что это такой же призрак или умертвие, как и я, но теперь снова засомневалась. Уж больно плавно и бесшумно он двигался, хотя судить о последнем под окружающую меня какофонию было весьма затруднительно.

Впереди замаячило давешнее озеро. Прекрасно, справа лес, слева – дорога на село, деваться ему некуда! Лесная нежить пришлую не жаловала, а сельские собаки с удовольствием подключатся к погоне за бродячими костями.

Умертвие это тоже отлично понимало, а посему на полном скаку въехало в озеро и... исчезло. Без малейшего плеска, словно мгновенно растворившись.

Натягивать поводья не было нужды – кобыла сама почуяла что-то неладное и перешла на шаг, осторожный и бесшумный. Подкравшись почти к самому берегу, Смолка всхрапнула и отпрянула назад. Не слишком испуганно, но давая понять: пусть хозяйка сначала разведает обстановку, а верная кобыла в случае чего отнесет скорбную весть друзьям и близким.

Поняв намек, я спешила, шагнула вперед... и точно так же шарахнулась от неожиданности.

Это было не озеро, а... туман. Белый и плотный, словно молоко, он плескался вровень с краями лощины, изредка ощупывая их короткими язычками волн. Над ним, как и над водой, клубилась легкая дымка, веяло теплом. И магией. Той же самой, что и в замке, у фендюлинской гробницы. Только здесь ее было много – так много, что у меня заняло под ложечкой от сконцентрированной в лощине мощи.

Я попыталась зачерпнуть ее и впитать, однако туман неожиданно сгустился еще больше, став почти осязаемым, и вежливо, но непреклонно увильнул от моей руки. Не для тебя. Извини.

А для кого? Умертвия? Нет, эта магия не имела ничего общего с некромантией. На природный источник тоже не похоже. Она существовала словно сама по себе, как живое существо, снисходительно поглядывая на озадаченную ведьму.

Похоже, умертвие в нем попросту спряталось, как в обычном тумане. Заехало поглубже и остановилось, ехидно хихикая себе под нос или что там у него осталось.

Намотав на запястье шнурок амулета, я решительно шагнула в туман. Но, когда он закружился вровень с моей макушкой, поняла, какое это гиблое дело. В нем не то что умертвие – собственных коленей нельзя было разглядеть.

«Ладно, голубчик, – мрачно подумала я, давая задний ход. – Ложбина небольшая, все края просматриваются. Посмотрим, сколько ты там высидишь. Лично я никуда не тороплюсь, а вот у тебя с рассветом будут ба-а-альшие проблемы!»

* * *

Утро выдалось ясное и безветренное. После ночного заморозка, добросовестно выбелившего траву, прорезавшееся на горизонте солнышко выглядело откровенной насмешкой над окоченевшей в зюю ведьмой.

Стоит ли добавлять, что умертвие и не подумало явиться пред мои светлые очи?!

Дальше торчать у озера не было смысла. Если умертвие не вылезло из него ночью, то днем тем более не посмеет. Прямых солнечных лучей ни живые мертвецы, ни призраки не любят, а тенька, которым оно могло бы пробраться к замку, рядом не было. Скоро в Вороньих Когтях протрубят побудку, нас хватятся и вряд ли поглядят по головке за самовольный прокат фендюлинских доспехов.

Спохватившись, я стащила с головы шлем и сунула его под мышку. На одном из крылышек висел пожеванный веночек – видимо, он-то и свалился на меня в момент появления нежити. Размахнувшись, я со злостью зашвырнула его в туман, надеясь попасть умертвию по черепушке. Ладно, вернусь вечером, никуда ты от меня не денешься!

Я вскочила на лошадь, и мы потрюхали обратно, громыхая, как целая вереница каторжников в ножных кандалах.

Вот леший! У рощицы на полпути к замку маячила одинокая фигурка, что-то напряженно высматривающая в чистом поле. Что именно, долго гадать не пришлось.

– Госпожа ведьма, так нечестно! – издали завопил Тивалий и, спотыкаясь на кочках, побежал мне навстречу. – Вы опять меня обманули!

– Заколдовала, – невозмутимо поправила я, подъезжая поближе. – В замке все в порядке? Стражники оклемались?

– А что с ними было? – опешил парень, временно забыв о своих претензиях.

– Если бы знала, не спрашивала.

– Полчаса назад они бдели как должно! А вот вы... – Тивалий наконец-то обратил внимание на Смолкину экипировку и снова сбился с мысли. – Но это же...

– Да, – резко оборвала я. – Ты можешь сгонять в деревню и раздобыть какой-нибудь мешок?

– Зачем?

– Чтобы запихнуть туда этот хлам и отнести его на место.

– Это не хлам! Это...

– Я знаю, что это такое, – перебила я. – И тоже не испытываю никакой радости от соприкосновения с их благодатью! Да, и попроси мешок погрязнее, из-под картошки, чтобы стража у ворот не вздумала его проверять.

– Какое неслыханное святотатство! И они все равно туда не влезут!

– Я могу уменьшить их раз в пять, но легче они от этого не станут. Так что поторопись, пока кто-нибудь из рыцарей не вздумал спозаранку помолиться этому крылатому ведру.

– Это не ведро!!!

– Ладно, убедил. – Я небрежно бросила шлем ему в руки и спешила. – Садись на мое место и поезжай в замок как есть. Не сомневаюсь, магистры будут в восторге!

Тивалий тоже не питал иллюзий на этот счет.

– Госпожа ведьма, куда же вы? – растерянно завопил он мне вслед.

– Куплю мешок и заодно позавтракаю. Если ты соблаговолишь меня дождаться, принесу тебе пару бутербродов.

Оруженосец дал мне отойти саженой на тридцать и заорал еще истошней:

– С колбасой!!!

Я только усмехнулась, ускоряя шаг.

* * *

– Чего изволите, госпожа ведьма?

Я изумленно уставилась на корчмаря, подобострастно переминающегося с ноги на ногу возле моего столика. Даже полотенце на локоть накинул, надо же! Правда, оно больше смахивало на половую тряпку, но какой неслыханный сервис... Мужик явно нервничал, глаза бегали, как тараканы по пустой тарелке.

– Странно, – вслух подумала я, не спуская с корчмаря испытующего взгляда, – утром я проезжала через лес, но не заметила, чтобы там сдохло что-то настолько крупное...

Тот натянуто захихикал. Может, видел наши ночные гонки и наконец-то проникся уважением? Грех не воспользоваться.

– Ну... тогда, пожалуй, утку с яблоками.

– Один момент! – Корчмаря как ветром сдуло. И с той же скоростью принесло обратно.

Я заглянула в миску и с еще большим удивлением обнаружила там здоровенный кус утятин в обрамлении рассыпчатых ломтиков. Так быстро?! Он ее на драконьем пламени жарил, что ли? Или опять у кого-нибудь из клиентов отобрал, чтобы поскорее от меня отвязаться? Впрочем, блюдо выглядело нетронутым и пахло весьма аппетитно.

Поколебавшись, я принялась за еду. Корчмарь продолжал торчать возле моего стола, как вбитая в пол оглобля, провожая взглядом каждый кусок.

– В чем дело, уважаемый? – не вытерпела я. – Если вам так уж невтерпеж, берите вторую вилку и присоединяйтесь!

Мужик затряс головой, как немой в ответ на грозный вопрос стражника: «А это не тебя ли я видел ночью с окровавленным топором над трупом усековенного купца?!»

– Тогда идите мне лучше бутерброд с колбасой на дорогу сделайте, – вспомнила я.

Заказ, выполненный в столь же рекордные сроки, выглядел не менее впечатляюще: целое кольцо колбасы в располовиненной ковриге белого хлеба, даже веревочка сбоку болтается.

– 3-за с-счет 3-заведения! – с кривой улыбкой выдавил корчмарь.

Я окончательно перестала что-либо понимать и, поскорее употребив утку, поспешила покинуть излишне гостеприимное заведение. Ну его к лешему, куплю мешок у кого-нибудь из селян, а то этот ненормальный мне двухсаженный чехол от веялки принесет! Но интересно, что же его так напугало?! Даже на крыльцо проводить вышел, только что полотенцем вслед не помахал...

* * *

Подбросить доспехи на место удалось на удивление легко. К побудке мы все-таки опоздали, но на время завтрака замок словно вымер. Стражники у ворот, правда, попытались

состричь: мол, госпожа ведьма работу с кладбища на дом взяла? Я изобразила удивление такой прозорливостью, и у них мигом пропало желание шутить.

Ухватив тяжеленный мешок за углы, мы потащили его по винтовой лестнице, периодически застревая на поворотах и поминая святого Фендюлия отнюдь не в молитвах (то есть я поминала в полный голос, а парень мрачно пыхтел, выражая мне свою солидарность).

У самой двери Тивалий неожиданно уперся, до глубины души оскорбленный моим очередным распоряжением:

– Нет, госпожа ведьма, и не просите! Стояние на стреме недостойно истинного рыцаря!

– А ты представь, что стоишь в почетном карауле, – подмигнула я, волоком затаскивая мешок в комнату.

Развесив доспехи (в последний момент я спохватилась – кажется, что-то не то, и поменяла рыцарский и конский шлем местами), я поскорее выскочила обратно и захлопнула дверь. Мы с Тивалием одинаково привалились к стене по обе стороны косяка и облегченно вздохнули. Переглянулись, рассмеялись и поспешили в трапезную, пока магистры не заметили нашего отсутствия на очередном диетическом проставлении Фендюлия.

Но там и без нас не скучали. На сей раз в центре внимания оказался прыщавый рыцаренок лет девятнадцати.

– Братья мои! – пронзительно верещал он, для лучшего распространения звука взобравшись на скамью. – Сегодня ночью мне не спалось – меня обуревали мысли о несовершенстве этого мира, и я, бесплодно проворочавшись до полуночи, вышел из замка погулять, надеясь, что ночной воздух окажет на меня должное умиротворяющее действие...

На щеке у парня отчетливо виднелся отпечаток самодельной свекольной помады, из чего я заключила, что в процессе умиротворения принимал участие не только воздух, да и обуревало его кое-что другое.

– И вот, лежа в кустах возле роши, мы увидели – то есть я и мой верный конь, которому тоже почему-то не спалось! – как из замковых ворот выехал святой Фендюлий, преследующий умертвие!

Рыцари внимали ему с восторгом ребятишек в ярмарочном балагане. Даже Тивалий приоткрыл рот от восхищения, но потом покосился на меня и обиженно его захлопнул.

– Они пересекли поле, – вдохновенно вещала жертва юношеской бессонницы. – И скрылись в лощине!

Я подумала, что, пожалуй, стоит занести в мой трудовой свиток очередную запись: «Маел-ине-Киррен. И. о. св. Фендюлия!!».

– А возвращаясь в замок, я подобрал вот это! – Рыцарь торжествующе потряс злосчастным гребнем.

Он тут же пошел по рукам, как давешний ларец. Потрясенные рыцари благоговейно, а кто и истово, по всей длине, лобызали священную реликвию, сыпя обетами, как сушеным горохом из худого мешка. Приобщиться к оной благодати не пожелал только Верховный, да и остальные магистры отнеслись к этому развлекательному мероприятию без особого энтузиазма, звучно чмокнув воздух в полувершке над железякой.

С явным облегчением избавившись от улики очередного фендюлинского чуда, Верховный магистр поманил меня пальцем:

– Госпожа ведьма, вы покидали ночью пределы замка?

– Да. – Все равно караульные расскажут.

– Мальчик был с вами?

– Да. – Я и бровью не повела, зато Тивалий залился жарким румянцем по самый воротник.

Глава ордена продолжал буравить меня взглядом:

– Странно, стража у ворот вас не заметила.

– Разумеется, она была не в том состоянии, чтобы вообще кого-либо заметить.

– Наглый поклеп! – вскочил из-за соседнего стола рыцарь, только что сменившийся с караула. – Мы с товарищами всю ночь не смыкали глаз! Да, каюсь, мы распили бутылочку легкого красного вина, но исключительно в целебных целях, для повышения бдительности! Клянусь святым Фендюлием!

Меня так и подмывало брякнуть, что святой, увы, не может засвидетельствовать его клятву по причине отсутствия на рабочем месте, но я сдержалась. В самом деле, не такие же они дураки, чтобы напиваться на посту. Да и маловато для этого одной бутылки, пусть даже чистойшей винесской горилки. Видимо, в нее что-то подмешали.

Я ограничилась пренебрежительным движением плеч, не собираясь что-либо доказывать или оправдываться. Рыцарь, еще немного поворчав, но тоже не горя желанием связываться с ведьмой, сел на место.

– Так, выходит, святой Фендюлий уже избавил нас от умертвия? – сообразил кто-то из его коллег. – На кой тогда нам эта...

«Эта» обернулась и одарила нахала таким выразительным взглядом, что он решил не торопиться со своим частным мнением.

Увы, зерно упало в благодатную почву и буйно заколосилось сразу в нескольких местах, так что я узнала-таки о себе много нового и интересного. Не привыкать, конечно, но удовольствие маленькое.

– Давайтеждемся ночи и проверим. – Верховный магистр сказал это мягко и негромко, но нарастающий ропот сразу утих. – Госпожа ведьма, не могли бы вы зайти ко мне сразу после завтрака?

Я угрюмо кивнула и, резко развернувшись, вышла из трапезной. Ради богов, мне же меньше проблем. Пусть сами ловят свое умертвие, только потом не жалуются, что оно возражает против поимки еще решительнее, чем оплеванная ведьма!

* * *

– Проходи. – Глава ордена сам открыл мне дверь. – Тивалий, иди пока потренируйся с мечом. Мы с госпожой ведьмой немного побеседуем.

Я уже собиралась присесть на колченогую табуретку, единственную напарницу неизменной лавки с поленом, но Верховный магистр, отдернув висящий на стене гобелен с еще одной вариацией на тему великих деяний здешних святых, жестом пригласил меня во вторую комнату.

– Уютненько тут у вас, – хмыкнула я, переступая порог.

На полу лежал ковер, в углу стояла огромная кровать под балдахином, а на стене висела картина с пышнотелой русалкой, игриво прикрывшей грудь хвостом. Впрочем, хвост отставал от груди по меньшей мере на два размера, так что особо не мешал.

Глава ордена благодушно развалился в кресле, вытащил из-под стола бутылку с вином и щедро плеснул из нее в серебряный кубок. Отпил, одобрительно посмаковал, глядя на меня, и неожиданно спросил:

– Надеюсь, ты вернула доспехи на место?

– Вернула... – ошеломленно подтвердила я. – Как вы догадались?!

– Дорогая моя! – Верховный магистр откровенно веселился. – Мы оба прекрасно знаем, что Фендюлий не имеет к этим доспехам никакого отношения. Так с чего бы его духу в них облачаться? Наши братья не осмелятся на такое святотатство, у умертвия есть свои, значит, остаешься только ты!

– И что? – с вызовом поинтересовалась я. – Мне начинать собирать хворост или сами подсуетитесь?

– Сколько тебе лет, ведьмочка? – вместо ответа спросил глава ордена. – Двадцать, двадцать пять?

– Двадцать два, – привычно округлила я.

– Что ж, в твоём возрасте я тоже был уверен, что мир делится только на черное и белое.

Но с годами понимаешь, что излишняя святость, увы, ближе к первому. – Наместник владений святого Фендюлия задумчиво покрутил кубок в пальцах. – А посему идея пригласить тебя в замок исходила именно от меня, причем я прекрасно представлял себе последствия этого решения. И сейчас я хочу всего лишь попросить тебя вести себя более... э-э-э... осмотрительно. То есть не попадаться никому на глаза ни под видом Фендюлия, ни... умертвия. Ибо далеко не все магистры разделяют мою точку зрения, а регулярные ночные переполохи мало способствуют моему авторитету...

Я почувствовала, что краснею. Смущенно кашлянула:

– Постараюсь. Но не могли бы вы рассказать мне поподробнее об этом прокля... то есть святом Фендюлий?

Верховный магистр вздохнул и, недолго поколебавшись, подлил себе вина:

– Я бы и сам не отказался побольше о нем узнать. Увы, наши сведения запутанны и противоречивы, ибо подлинных рукописей тех лет почти не сохранилось, а описанные в них деяния столь приукрашены, что вызывают сомнение. Кто пишет, что Фендюлий мог уложить дракона одним ударом кулака, кто – что он брал верх умом и ловкостью, умел предсказывать будущее, а также обожал всевозможные шутки и розыгрыши. Есть даже легенда, что его дух до сих пор бродит по коридорам замка в облике одного из братьев и на того, кто его узнает, снизойдет неопишуемая благодать. Кхм... помнится, в юности я и сам приставал к встречным рыцарям с вопросом, не Фендюлий ли он... Летописцы сходятся лишь в одном: он был достойным человеком, отважным воином и основал орден Белого Ворона, призванный защищать простых жителей Белории от зла и несправедливости. Но мы даже не знаем, где его могила, ибо однажды он вышел из замка на ежевечернюю прогулку и не вернулся. Вероятно, он наткнулся на передовой отряд орков и пал в неравной битве – спустя несколько часов рыцарям пришлось спешно собираться в поход против целой армии этих тварей, без предупреждения пересекшей границы Белории. Израненное тело Фендюлия могло выдать их раньше времени, поэтому, скорее всего, его где-то прикопали. В воцарившейся суматохе искать его не было времени, потом выпал снег, а по весне выросла новая трава и окончательно скрыла все следы.

– Но это не помешало вам установить в замке копилочку из черного мрамора, – не удержавшись, вернула я.

– Что поделат?! – усмехнулся Верховный. – Рыцарям тоже иногда хочется кушать. На какие только ухищрения не приходится идти, чтобы накормить целую ораву здоровых парней хотя бы черным хлебом! Замок нуждается в ремонте, да и гномы не желают отпустить нам сталь для кузниц бесплатно. И потом, нам нужен был символ, реликвия, которая сплотила бы братьев ордена. Фендюлий прекрасно подошел для этой цели. Управлять таким огромным замком не так-то просто, девочка... Конечно, магистры по мере сил помогают мне, но с недавних пор даже среди них наметился раскол. Увы, на всех, как ни старайся, не угодишь – и тебе это должно быть известно лучше, чем кому-либо! – а на таком высоком посту даже мелкий промах оборачивается катастрофой... Так что не разочаруй меня, ведьмочка.

– Постараюсь, – повторила я уже куда искреннее.

– Тогда не смею больше тебя задерживать. Иди, чадо мое, и да пребудет с тобой святой Фендюлий! – машинально добавил и тут же рассмеялся Верховный магистр.

* * *

– Ты должен был поторговаться с ней, Тивалий! – доносившийся из-за двери голос показался мне смутно знакомым. Ага, отважный охотник на ведьм из комитета по встрече! – Ведьмы алчны, и сразу предлагать ей всю выделенную орденом сумму ни в коем случае не следовало. А теперь она, похоже, решила, что может вить из нас веревки! За это ты...

Я поскорее распахнула дверь. Магистр с явным сожалением закрыл рот, не успев огласить задуманную гадость.

– У вас тут мой охранник не завалялся? – нахально поинтересовалась я. Тивалий поскорее прошмыгнул в дверь, ко мне за спину. – Вот хорошо, а то я как раз побег собиралась организовать, а пресечь это безобразие некому.

Магистр злобно сверкнул глазами, но возражать не стал. Я, посчитав разговор оконченным, вежливо прикрыла дверь.

– Вы меня правда искали? – с надеждой поинтересовался Тивалий.

– Нет, случайно мимо проходила. Тебе же вроде тренироваться велели?

Парень снова начал краснеть, как незрелый помидор на окошке. Все ясно, улучил свободную минутку и понес господину вести с полей. Сокращенный вариант, разумеется, иначе магистра вообще бы удар хватил.

– Ладно, – сжалилась я, не настаивая на ответе. – У тебя еще будет время, я с ног валюсь и до обеда из комнаты не выйду.

– Честное рыцарское? – недоверчиво уточнил паренек.

– Честное ведьминское! – с усмешкой поправила я.

* * *

Пролистав книгу до конца, я разочарованно хмыкнула и, повертев ее в руках, бросила на кровать к уже просмотренным. Как развеять обычный туман, я и сама знала. Про магический там ни слова не говорилось.

Один маг в замке есть – это точно. Но его заклинание не имело ничего общего с туманом. На кой ему понадобилось гасить факелы? Просто развлекался, хотел попугать стражу? Или выбрал укромное место и ночное время для оттачивания навыков? Магия-то в замке под запретом.

Да еще это разваливающееся на куски мертвое... Я внимательно изучила налокотник – ему было лет триста, не меньше, но ржавчина покрывала его только снаружи. Внутри сталь блестела, словно отполированная курткой или рубашкой. Оно что, перед нападением специально разделось до костей и черепа?

А если это был человек со столь оригинальным чувством юмора, как он умудрился сигануть вниз с высоты пятнадцати саженей, не располовинившись о гребень? И потом скакать быстрее Смолки, а не с оханьем семенить в раскорячку на своих двоих? Коня-то во дворе не было, а до леса пара верст...

О своей собственной кобыле я вообще молчу. Либо Смолка взяла у мертвья дурную привычку проходить сквозь стены, либо план замка съели не так добросовестно, как меня уверяли. И кто-то им нахально пользовался.

Я устало потерла лоб. Мозги объявили забастовку, требуя компенсации за бессонную ночь. Леший с ними, вечер утра мудренее. Я поставила на колени сумку и начала запихивать книжки обратно, освобождая кровать.

Это меня и спасло. Иначе я просто не успела бы ее развязать. Боль в животе скрутила так внезапно и жутко, что я даже не успела охнуть – горло словно перехватило тугой петлей, не пропуская ни воздуха, ни крика.

Глупая надежда на несварение или внеплановые женские дни промелькнула и тут же исчезла. Вместо нее перед глазами всплыл параграф «Яды» из учебника по травоведению.

«Главное – не паниковать», – поучал магистр Горальт, у нас на глазах отпивая из украшенного скрещенными костями флакона и так же неторопливо вытаскивая пробку из второго, с зеленым трилистником на этикетке. (На перемене, когда преподаватель вышел, я на спор повторила опасную дегустацию и с возмущением обнаружила в обеих бутылочках чистую воду; правда, шутки ради изобразила такие достоверные конвульсии, что магистр, прибежавший на испуганные вопли моей компании, навсегда зарекся разыгрывать адептов.)

Но на этот раз с первой бутылочкой не обманули, значит, и со второй ошибиться нельзя.

Думай, ведьма, думай... яд подействовал как минимум через три часа – после возвращения из корчмы я ничего не ела и не пила... без вкуса, без запаха, иначе я бы его заметила... режущая боль почти непрерывными приступами... Настойка нетопыриных когтей или «Эликсир Кратколетия», как иронично называли эльфы вытяжку из бутонов рыжелепесной мандрагоры, растущей только в чащобах Ясневого Града?..

В сумке у меня лежали противоядия к обоим ядам, но смешивать их нельзя было ни в коем случае. Смерть от «Эликсира» наступала спустя полторы минуты после появления симптомов, от настойки – через пять-шесть. Что ж, скоро узнаю наверняка... или не узнаю. Если кто-то решился отравить ведьму, он должен был действовать быстро, чтобы она не успела даже пикнуть. Точнее, прочитать заклинание или добраться до сумки с зельями.

Значит, «Эликсир». Где же у меня это треклятое противоядие?! Я негнущимися пальцами поворошила содержимое сумки; она выскользнула у меня из рук, шлепнулась на пол и флаконы раскатились в разные стороны.

Всхлипнув от обиды, я наклонилась и криво, боком сползла с кровати. Из последних сил протянула руку к вертящейся в каком-то локте от меня бутылочке, но, уже коснувшись холодного стекла, поняла, что не успею...

* * *

Я очнулась от холода. Возле протянутой руки валялась пустая бутылочка. Потеклов возле нее не было, видимо, потекло все-таки в меня. Угадала. Но убей не помню, как я сумела ее открыть и выпить!

Каменный пол нравился моему боку все меньше и меньше. Я со стоном перевернулась на живот и конечность за конечностью попыталась перевести себя хотя бы в сидячее положение. Мышцы кое-как подчинились, но так вяло и бесчувственно, что я было заподозрила, не стало ли в замке одним умертвием больше. Впрочем, судя по нарастающей в них боли, тело просто затекло от неподвижности.

В дверь постучали. Я недобрым словом помянула свое заклятие, не дающее умертвию без лишних церемоний пройти сквозь стену и избавить меня от страданий самым радикальным способом.

Пришлось лично добираться к двери по стеночке.

– Чего тебе, юный фендюлинец?

– Госпожа ведьма, уже смеркается. – затараторил Тивалий. – Вы не вышли к вечерней трапезе, и я забеспокоился, как бы...

– Мне утренней хватило, – поморщилась я, пропуская его в келью. – Помолчи минутку, ладно?

Оруженосец послушно присел на краешек кровати, глядя, как я смешиваю в стакане четко отмеренные капли из различных бутылочек. От снадобья свело скулы, зато результат наступил почти мгновенно – я снова почувствовала себя живой, хотя мертвым завидовать мне было рановато.

– Вы себя хорошо чувствуете? – запоздало спохватился парень, как-то странно разглядывая мое лицо. Ну, бледная. Возможно, даже белая как полотно, с расширенными зрачками и отпечатком камня на щеке. Самый подходящий видок, чтобы в полночь поскрестись в окошко корчмы и, обнажив накладные клыки, вкрадчиво поинтересоваться у хозяина, где он раздобыл такие дивные специи. Все как на духу выложит!

– Нет, – отрезала я, убирая склянки обратно в сумку. К корчмарю я еще успею, а сейчас надо спешить к туманному озеру. При дневном свете умертвие не осмелится и носа оттуда показать; значит, будет сидеть в нем до сумерек.

Мага и вездесущую кобылу я тоже отложила на потом. У этого узла слишком много кончиков; возможно, если упрямо тянуть за один, он и распутается.

Парень словно прочитал мои мысли:

– Госпожа ведьма, а куда мы сейчас пойдём?

– Мы? – саркастически уточнила я, поворачиваясь к нему.

Тивалий на всякий случай зажмурился. Наивный! Ведьме совсем не обязательно смотреть своей жертве в глаза, усыпить я могу и на расстоянии. Но не в своей же комнате! Потом тащи его в соседнюю келью... Надо придумать какой-нибудь предлог, чтобы он сам туда убрался.

Усмехнувшись, я отвела глаза и подобрала с пола флакон из-под противоядия. Да так и застыла, стиснув его в кулаке. Магия... опять эта туманная магия! Она обволакивала флакон, как отпечаток чьей-то ладони, легонько пульсируя под моими пальцами. Я торопливо сделала пасс свободной рукой. Других следов чужого колдовства я не обнаружила, но поручиться, что их совсем нет, тоже не могла. Что-то смутное и ускользающее висело в воздухе, как аромат листовых дриадских духов. Спокойно вдохнешь – почувствуешь, а начнешь принюхиваться – исчезает.

Я задумчиво заткнула флакон и бросила в сумку. Тивалий, не дождавшись усыпления, робко приоткрыл один глаз:

– Но Верховный магистр велел мне...

– Ничего подобного, – фыркнула я, резко затягивая горловину сумки. – Если я не ошибаюсь, ты отвечаешь за то, чтобы я не нашкодила в замке?

Парень смущенно промолчал. Я безжалостно закончила мысль:

– Значит, можешь с чистой совестью подождать меня у ворот. Только раздобудь мне нормальный меч, а то сам видишь... – Я вытряхнула бутафорскую рукоять из ножен.

Тивалий замялся:

– Я сомневаюсь, что кто-нибудь из рыцарей согласится доверить вам свой клинок, а в оружейной хранятся только тренировочные мечи и боевые двуручники. Но...

– Но?

– У меня есть меч, доставшийся мне по наследству. Правда, до посвящения в рыцари я не имею права к нему прикасаться, но, если вы возьмете меня с собой, я могу вам его одолжить!

– Покажи, – заинтересованно велела я.

Тивалий метнулся туда-обратно и приволок длинный сверток, обмотанный куском пожелтевшей холстины. Бережно распеленал, протянул мне на вытянутых руках, как свадебный каравай на рушнике.

– Надеюсь, без ногтей? – пробормотала я, разглядывая оголовье.

Осторожно подняла, второй рукой придерживая за середину лезвия. Странно, сделан явно по заказу мужчины – простая крестовина, оплетенная узкими кожаными ремешками, лезвие без гравировки, только с серебряным клеймом у самого основания. Но предназначен скорее для дамской руки – легкий, тонкий, прекрасно сбалансированный.

Парень покачал головой:

– Оберегом ему должна служить рука, его держащая!

– На сей раз тебе не повезло, – мрачно сообщила я мечу, делая пробный взмах.

Серебристый росчерк беззвучно мелькнул в воздухе. Клинок нравился мне все больше и больше. Пожалуй, встретить я его на торжище – купила бы без размышлений. Да и в ножны ко мне за спину он скользнул, как к себе домой. Я повернулась к Тивалию и милостиво объявила:

– Ладно, уговорил. Но чтобы не смел даже чихнуть без моей команды!

Парень просиял, благополучно пропустив последние слова мимо ушей.

– Госпожа ведьма, а какой у вас план?

– Подберемся к озеру, зальжем в кустах и будем ждать. – Я проверила шнуровку на сапогах и, подхватив с кровати куртку, на ходу набросила ее на плечи. – Беги седлай свою клячу. Тебя, в отличие от умертвия, я ждать не намерена.

«А в случае чего вздремнешь и в засадных кустиках».

* * *

Отыскать подходящие для залегания место оказалось не так-то просто. Лозняков на краю ложбины хватало – но в виде жалких, едва припорошенных зеленью прутиков, прятаться за которыми было откровенным неуважением к врагу.

– Эх, жаль, до леса далеко... – размечтался парень, алчно поглядывая на еловый подрост вдоль опушки. – Уж в нем-то могло укрыться целое войско, даже конное.

– А почему бы и нет? – оживилась я, вытаскивая меч.

Спустя полчаса в лозняке выросли три пушистые елочки, тесно прижавшиеся друг к другу. Смотрелись они очень мило, хоть и несколько диковато.

– Госпожа ведьма, а вы уверены, что это сработает? – вслух выразил парень наши общие сомнения.

– Ну, по крайней мере, он увидит елки, а не нас, – резонно возразила я. – Возможно, захочет посмотреть на них поближе, подъедет, тут-то мы его и прищучим!

– А вдруг он догадается, что за ними кто-то прячется?

– А тебе бы пришло в голову, что кто-то станет прятаться за вкопанными посреди поля елками?

– Нет, – честно признался парень. – Я бы ни за что не поверил, что боги ниспослали мне настолько глупого противника!

– Вот и прекрасно, – усмехнулась я. – Будем надеяться, у всех выпускников здешнего ордена мозги работают в одном направлении. Даже если от этих мозгов остался только череп под рогатым шлемом!

* * *

За два часа мною успели поужинать все окрестные комары. К счастью, поздней весной их было немного, но качество оголодавших за зиму тварей успешно переходило в количество, а плотоядный писк то над одним, то над другим ухом периодически отвлекал меня от цели ночного бдения, заставляя остервенело хлопать себя по открытым частям тела (за закрытые тоже кусали, но чуть реже).

– Госпожа ведьма, – робко нарушил тишину парень, – пока у нас есть немного времени, давайте я прочитаю молитву, и, возможно, ваше сердце смягчится, а душа повернется к свету! Ибо по вашим глазам я вижу, что тьма еще не успела поглотить вас без остатка, а путь искреннего покаяния способен привести на небеса самого отъявленного грешника...

– Давай лучше я прочитаю заклинание и буду поджидать призрака в одиночестве, как и планировала, – раздраженно перебила я, дав очередь комара.

Оруженосец смиренно вздохнул, возвел глаза к небу и беззвучно зашевелил губами. Видимо, решил пообщаться с богами без моего участия, но при случае замолвить за меня словечко. В далеком селе чувственно заорали коты, присоединяясь к воззванию.

Я обреченно подперла щеку рукой, угрюмо вглядываясь в колышущийся над лощиной туман. Сегодня было немного теплее, да и Тивалий грел мне левый бок, но симпатии к задерживающемуся умертвию это не прибавляло. А если оно и сегодня не вылезет? Закопалось там до лучших времен от греха подальше... Может, пойти на ощупь поискать? Хотя если действительно нащупаю, мало не покажется...

Я так усиленно высматривала умертвие, что первым его заметил Тивалий:

– Госпожа ведьма! – пропищал он на пределе ультразвука. – Гляньте туда!

Я глянула и почувствовала, что начинаю тихо сходить с ума. В указанном направлении умертвие действительно наличествовало, только ехало оно... в туман! И скрылось в оном при полном моем попустительстве.

– Ни гхыра себе! – вырвалось у меня.

– Ворра та кындык, – машинально поддакнул Тивалий и, ойкнув, обеими руками зажал себе рот.

Я тоже – чтобы не расхохотаться. Все не так уж безнадежно, из парня еще может выйти толк!

Нам ничего не оставалось, как продолжить наблюдение из-за елок. Правда, скучать уже не пришлось. Слышно было, как умертвие бродит по лощине, звеня доспехами. То ближе, то дальше. Над ним, как спинной плавник кружащей под водой акулы, двигался горбик тумана.

Можно было рискнуть, стрельнуть пульсаром вслепую, но неизвестно, что произойдет при столкновении двух магий. Ничего, терпением я запасалась на всю ночь, хватит и еще на полчаса. Подождем.

Горбик замер и медленно опал, как хлеб в не вовремя открытой печи. Зловещий всадник выехал из лощины прямо перед нами и остановился на ее краю, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

Тивалий так вжался в землю, словно надеялся в нее врасти, но отважно молчал. Мне лицемерие умертвия тоже не доставляло особого удовольствия. На фоне луны оно казалось черным и огромным, лишь глаза светились двумя раскаленными углями. Конь с утробным хрипом грыз удила, мотая тяжелой башкой.

Зато целиться в него было очень удобно. Чем я и занялась, сцепив пальцы обеих рук «арбалетом» – мизинцы и безымянные в общем кулаке, средние отставлены в стороны «дугой», большие и указательные выпрямлены, как прицел и ложе для стрелы. После нужного заклинания из этой конструкции можно выпустить до двенадцати скоростных пульсаров подряд, и гхыр уклонишься!

Парень дернулся словно ошпаренный. Толкнул меня в плечо:

– Госпожа ведьма, что вы такое бормочете?

Я сбилась, беззвучно выругалась и сквозь зубы, чтобы не вырвалось чего лишнего, прошипела:

– Колдую, разве не понятно? И не смей больше меня перебивать, иначе я не ручаюсь за результат!

– Ой, погодите, я отползу в сторонку, дабы не осквернить свой слух звучанием бесовских словес!

– Так заткни уши! – огрызнулась я.

Парень и в самом деле прижал ладони к голове, зажмурившись для пущей надежности. Впрочем, хватило его ненадолго. Только я собралась с мыслями и приготовилась повторить «словеса», как Тивалий снова встрепенулся:

– А что вы хотите с ним сделать?

– Отправить на небеса несколько иным путем, – съязвила я. – Сомневаюсь, конечно, что его туда пустят, но до тамошних ворот подкину...

– Но сие несовместимо с рыцарской честью! – растерянно пропищал парень, порываясь вскочить на ноги. – Нам надлежит вызвать его на поединок и одолеть в честном бою, после чего облегчить душу молитвой и обеспечить ему достойное погребение....

Я в последний момент успела изловить парня за рукав и что есть силы дернула вниз, заставив снова лечь.

– А нападать на безоружных женщин верхом на лошадином скелете – совместимо? И один раз его уже хоронили – не помогло!

Как раз в этот момент скелет задрал хвост и навалил кучу. Судя по звуку и запаху – очень качественную и здоровенную.

Мы мигом прекратили перепалку, ошеломленно внимая вышеозначенному процессу.

– Госпожа ведьма, а вы уверены, что это наше умертвие?

– Да уж явно не случайный прохожий, – шепнула я в ответ, пытаясь разглядеть, откуда в конском скелете могло взяться столько ценного удобрения. Кости костями, но за ними темнела какая-то плотная масса, как будто их... нацепили сверху. – А наше или не наше – умертвим до нужной кондиции и разберемся!

С этими словами я нахально выпрямилась во весь рост, походя концентрируя между ладонями боевой пульсар, и издевательски поинтересовалась:

– Что, не спится? Убаюкать?!

Но умертвие не пожелало меряться со мной молодецкой силушкой. Круто развернув попятившегося коня, оно без лишних слов (но не совсем уж молча, ибо «гхыр» лишним никогда не бывает) помчалось прочь, обогнув елки так близко от меня, что я уловила даже терпкий запах мужского пота, не говоря о лошадином.

Обернувшись и хищно оскалившись, я резко развела руки, разделяя и одновременно швыряя вслед умертвию светящиеся сгустки пламени.

Пульсары слаженно стукнулись в бронированный лошадиный круп и снова отвилынули. Похоже, дело было не в рикошете, а в наложенном на доспехи заклятии. Из «арбалета» с близкого расстояния я бы его почти наверняка пробила, а так не стоило и пытаться. Конь задрал тлеющий хвост и с удвоенным энтузиазмом помчался к замку, оставляя за собой черную струю дыма, как подбитый дракон.

Я торопливо повернулась к роще и что есть мочи свистнула в два пальца. Черная стремительная тень скользнула по полю и замерла возле меня, нетерпеливо перебирая ногами. Я вскочила в седло, не тратя времени на поиск второго стремени и подбор поводьев, обеими руками вцепилась в переднюю луку и с ходу скомандовала:

– Давай, Смолка!

Кобыла по-волчьи взвизгнула и рванулась вперед.

Умертвие успело ускакать довольно далеко, едва виднеясь на полпути к замку. Мы нагоняли его, и очень быстро, но в ворота оно шмыгнуло в десяти сажнях перед моим носом, и решетка тут же начала опускаться. Смолка едва успела затормозить, чтобы не наездиться на торчащие из нее шипы.

– Зараза! – Я спешила и досадливо пнула толстый стальной прут. Покричать, что ли? Может, любители свежего воздуха, спящие с открытыми окнами, и услышат. Вот только выйдут ли? Решат, что какой-то пьяный тролль у ворот безобразничает, да и караульные на что?

Той же ногой, но уже поделикатнее, я пошевелила храпящих возле решетки стражников. Бесполезно. Нет тут не в вине дело – ребят усыпили заклинанием. Пожалуй, покопавшись четверть часа с подбором нужного заклятия, я бы сумела их разбудить, но толку? Барабан с цепью все равно по тут сторону решетки. Разве что кричать втрое громче будем. Умертвые сто раз успеет скрыться в замке, а то и безнаказанно выедет на охоту, злобно хекая над оставшейся с носом ведьмой.

Я рыкнула так, что какая-то мелкая собачонка, истошно брешущая по ту сторону стены, резко умолкла, словно околевав на месте. Если этот гхыровый замок не сумели взять за столько сотен лет, какие у меня шансы управиться за несколько секунд?!

И тут Смолка развернулась и неторопливо потрусилась по краешку рва вдоль замковой стены. Я отрешенно наблюдала за кобылой, пока та не уперлась в каменный выступ, преграждающий дорогу. Ничуть не огорчившись, Смолка повернулась мордой к стене и... вошла прямо в кладку.

Я бросилась за лошадью и успела заметить только быстро смыкающуюся щель. Не раздумывая, я ткнула в нее выхваченным на бегу мечом. Каменные створки с лязганьем сомкнулись на лезвии, за стеной что-то хрустнуло и с клетотом оборвалось, но меч, кажется, выдержал. Я налегла на рукоять, пытаюсь отжать потайную дверь. Под пальцами потеплело, стена начала медленно раздвигаться. Я ногой подпихнула в щель парочку валявшихся поблизости бульжников и, резко выхватив меч, шмыгнула внутрь. Камни потайную дверь надолго не удержали – створки звучно сошлись прямо за моей спиной, брызнув по ногам гранитными осколками.

Затаив дыхание, я немного постояла на месте, привыкая к темноте. От медленно проступавших из мрака стен веяло холодом и плесенью. Откуда-то спереди доносился далекий стук копыт, двигавшихся как будто слева направо. Но Смолка стояла возле меня, освещивая желтыми глазами, как кошка. Нас окружал узкий, но довольно высокий коридор, как раз по размеру лошади с всадником. Со стен свисали пустые кольца для факелов.

Стук затих. Скрипнула и тут же хлопнула дверь, вдоль стены прошмыгнула испугнутая крыса.

Решившись, я показала кобыле прижатый к губам палец и крадучись двинулась вперед по коридору. Похоже, он тянулся под всем замком, и вскоре я поняла, почему никто до сих пор не смог заново составить точный план Вороньих Когтей.

Замков было фактически два. В толще стен первого находился второй. Такие же коридоры, лестницы и кельи (большей частью – без дверей или с гнилыми, распахнутыми настежь створками), только сырые, неосвещенные и неоштукатуренные. Зато со скелетами, живописно прикорнувшими вдоль стен, как сторожевые псы на цепях.

Мне стало жутковато. Как будто на минутку отлучилась из замка, а, вернувшись, застала его внезапно обезлюдевшим и постаревшим на несколько сотен лет. Правда, дверей здесь было поменьше, да и комнатки совсем маленькие. Видимо, это была последняя линия обороны Вороньих Когтей – зная потайные входы-выходы, рыцари могли партизанить в толще замка еще долгие годы после его захвата, но за ненадобностью забросили эти коридоры и напроць о них забыли. А может, секрет изначально был известен только строителям да Фендюлию, приберегавшему его на черный день да так и унесшему с собой в могилу...

И тут из-за одной из дверей до меня донеслись приглушенные голоса:

– Ты же уверял меня, что ведьма умерла!

– Да, господин. Я слышал, как она застонала и упала на пол, а потом из комнаты целый час не доносилось ни звука. Дольше подслушивать было опасно – там крутился этот проклятый мальчишка.

– Тогда кто, по-твоему, подпалил моему коню хвост?! Умертвие?

– Может, Фендюлий? – робко предположил голос.

Презрительное фырканье дало понять, что я не одинока в своем мнении насчет святого. Помолчав и чем-то позвякав, «господин» продолжал:

– И дернул меня леший соваться в этот туман! Но уж больно хотелось поглядеть, какого гхыра ведьма торчала там всю ночь, как нанятая.

– И что, господин?

– А ничего! Поплутал на ощупь, трава за ноги цепляется, кочки какие-то, на одной чуть ногу не сломал. . . Еле выбрался, не видать ни зги! А эта проклятая баба тут как тут, и щенок с ней. Если бы он ее не отвлек, прибила бы, как пить дать! Все, хватит с меня. Пусть наш колдун сам за ней гоняется, я уже сыт по горло этой рыжей дрянью!

– Сам ты колдун, – лениво отозвался третий голос. – А я наделен божественным даром, дабы творить чудеса во славу и процветание ордена. Лучше бы спасибо за амулеты сказал, без них гхыр бы ты вчера из замка выбрался!

– Я что, виноват, что она из окна на меня тарасилась? Не мог же я у нее на глазах потайную дверь открывать, пришлось за замковую стену мчаться, к запасному входу. Только в коридор нырнуть успел – она мимо пролетела, к туману этому. Даже яд ее, хвыбу рыжую, не взял. . . а может, корчмарь напортачил? Денежки хапнул, а в последний момент струсил?

– Божился, что всыпал все до последней крупинки. Но, видимо, от его стряпни ее стошнило раньше, чем яд успел всосаться. . .

– Но она могла что-то заподозрить. Он не проболтается?

– Разве что некроманту, – гнусно хихикнул «божественный» колдун. – Ладно, заканчивай и будем расходиться. Скоро она растолкает стражников и снова перебудит весь замок.

– А что со стариком?

– Я займусь им ближе к рассвету, когда паника поутихнет и все разбредутся по кельям. Как обычно – постучусь, скажу, что у меня важное сообщение, подсуну какой-нибудь свиток, а когда он повернется к факелу, чтобы прочесть, – ткну кинжалом и уйду через потайной ход. Умертвие снова в замке, ведьма подтвердит. Хорошо бы, конечно, чтобы сегодня его увидел кто-нибудь еще, но не будем рисковать.

Заскрипели стулья, и я решила, что дольше тянуть не стоит. Сейчас они разбредутся – потом лови их поодиночке и доказывай, что не обозналась! Вряд ли у мага-самоучки достаточно высокий уровень, чтобы со мной тягаться. А с тремя противниками я как-нибудь управлюсь, хоть и придется попотеть.

Ухватившись за дверное кольцо, что есть силы дернула его на себя. Как я и ожидала, дверь оказалась заперта изнутри, но засов прошел сквозь ветхие доски, как нож сквозь масло. Я эффектно распахнула ее на всю ширину и замерла на пороге, подавившись вступительной речью в духе: «Что, не ждали?!»

В комнате находились не трое рыцарей, а добрая дюжина! Один как раз стаскивал с себя доспехи с намалеванными светящейся краской костями, давешний живописец поспешно отмывал от них же коня со все еще дымящимся хвостом. Смуглый длинноволосый брюнет, мельком виденный мною в столовой, лениво перекидывал из руки в руку боевой пульсар мертвенно-зеленого цвета. Был среди них и магистр, «изловивший» меня в Перекрестье.

Онемевшие от такой наглости рыцари и пораженная их количеством я некоторое время не предпринимали никаких действий, даже конь перестал брыкаться и удивленно насторожил уши.

Смущенно кашлянув – мол, извините, если помешала, зайду в другой раз! – я захлопнула дверь и двинула наружный засов в пазы. После короткой удивленной паузы за ней вскипела такая бурная деятельность, что ее живо можно было представить по звукам! Рыцари одновременно вскочили с мест и всей своей возмущенной массой штурмовали дверь, выбив ее с первого удара, но тут же закупорив спрессованными телами. Когда они, побарахтавшись, вывалились в коридор, я уже успела добежать до винтовой лестницы. Несущиеся вслед крики мало походили на приветственные. «Голыми руками на части порву заразу!» – было из них самым приличным и гуманным.

Лестница потайного замка закручивалась вокруг обычной (а я-то думала: на кой гномы заключили ее в такой массивный корпус?!). Витки получились в два раза шире, соответственно прибавилось и ступенек. Гномьи заклинания действовали и здесь, как и мои порталы, так что мне удалось немного оторваться от погони.

Гхыр его знает: то ли я не заметила двери на второй этаж, то ли лестница непрерывно тянулась до третьего, но я очутилась сразу на нем. Покрутила головой, высматривая, нельзя ли чем подпереть дверь, но задерживаться и более тщательно искать не стала, продолжив забег уже по прямой.

Оказалось, что винтовой лестницей воспользовалась только часть рыцарей. Остальные бросились к обычной, покорооче, и разъяренным скопом вывалились в коридор в десяти саженях передо мной.

Не мешкая, я развернулась и помчалась в обратную сторону, мимо двери на винтовую лестницу, откуда как раз с оханьем, на четвереньках выползали жертвы гномьего зодчества. Балансируя мечом в отставленной руке, я с гулом пробежалась по их бронированным спинам, окончательно разложив бедолаг по полу. Над головой с мерзким, вьедливым шелестом пронесся пульсар, расплескавшись о стену. Камни беззвучно вскипели, вниз от выемки потянулось несколько мгновенно застывших потеков.

Не заставляя повторять дважды, я поспешно свернула в ближайший боковой коридор, такой же темный и заплесневелый, как предыдущий. Впрочем, о кромешной тьме речи не шло – свет просачивался в потайной замок сквозь щели между камнями, с той стороны казавшиеся простыми трещинками в разохшейся замазке. Натянутую у пола веревку не разглядишь, но и в стену с разгона не врежешься.

Но только я, приноровившись, помчалась во всю прыть, как поперек коридора скользнула огромная белая птица, вылетев прямо из каменной кладки и в ней же исчезнув.

Я резко затормозила. В ту же секунду перед моим носом слаженно свистнуло и ударило в противоположную с гену около дюжины длинных арбалетных болтов. Несколько штук засело в щелях между камнями, остальные отскочили, с дребезгом усыпав пол.

Страхнув секундное оцепенение, я кинулась дальше. Эта ловушка уже разряжена, и вряд ли за ней меня поджидает вторая, куда вероятнее нарваться на нее в соседнем коридоре. Если бы не птичка... стоп, откуда здесь взяться птице? Еще одно умертвие с навыками стенопролетания? Или просто магическая ловушка, сработавшая чуть раньше арбалетов? Тут, как тролли говорят, «и на привале без сушеного мухомора не разберешься», а уж на бегу...

На время выбросив птицу из головы, я продолжила свое триумфальное убегание. Кой леший дернул меня соваться в это осиное гнездо?! «Старик» – это, скорее всего, Верховный магистр, чем-то не угодивший заговорщикам. Ох, дурья моя башка, куда проще было поймать их с поличным, устроив засаду в комнате с русалкой! А теперь изображай зайца, которого попросили поработать загонщиком в облаве на волков...

Как вскоре оказалось, не одна я совершенно не ориентировалась в здешних коридорах. Преследователи раздробились на автономно бегающие по этажу группы по пять-шесть человек, периодически сталкивающиеся друг с другом и со мной. В обоих случаях встреча

вызывала искреннее недоумение, а дальше по ситуации. Пока что удавалось отделяться моральным ущербом и парочкой простых пассов, валящих рыцарей с ног и дающих мне небольшую отсрочку.

Но все хорошее в конце концов кончается. Я в том числе. Когда на меня выскочила тройка лидеров колдун – магистр – умертвие, мои запасы оптимизма, как и магии, несколько поубавились. Читать заклинания наперегонки с конкурентом помешали его спутники, с радостным ревом бросившиеся на вождьленную мерзавку. Еще один пасс, не слишком удачный, но отправивший более резвое умертвие под ноги магистру. Колдун резко выбросил вперед правую руку, разжимая кулак. Я приняла пульсар на середину меча, готовая откинуть рукоять, как только лезвие начнет плавиться, но оно выдержало и, завибрировав, отшвырнуло сердито искрящийся шарик обратно. Колдун метнулся за угол, пульсар пропахал борозду в камне и, отклонившись, прыснул дальше по коридору, взорвавшись уже где-то в его конце.

Второй конец был в двух шагах от меня, прорезанный одной-единственной дверью, за которой виднелись уходящие во тьму ступени. Впервые в жизни я пожалела, что их так мало – каких-то двести штук, а на закуску – сплошная стена, о которую я больно стукнулась коленом.

Я лихорадочно ощупала влажные камни, нашарила какой-то рычаг, дернула, и часть стены бесшумно отъехала в сторону. Холодный ветер с такой радостью ринулся в проем, что чуть не сдул меня вниз по ступенькам. Упрямо наклонив голову, я переступила порог и очутилась в центральной башне Вороньих Когтей. Стен как таковых здесь не было – восьмиугольная смотровая площадка напоминала огромную беседку: массивная крыша, восемь колонн и соединяющий их бортик высотой не больше полутора аршин. Да лестничный столб в центре. Рядом с потайной дверью находилась обычная, ведущая в жилой замок и, увы, запертая с той стороны.

Я отступила к бортику, глянула вниз и судорожно сглотнула. Саженой тридцать, не меньше. На такой высоте не поможет даже левитация, в лучшем случае – внизу окажется живописно распластанный труп, а не мокрое пятно на булыжнике.

К ветру добавились редкие косые капли. С юга на замок напозла первая в этом году гроза, устелив все небо клубящимися облаками и жадно раззявив алую пасть горизонта с клыками-молниями.

– Прыгай, ведьма, – ласково посоветовал колдун за моей спиной. – Уверю тебя, существуют куда более неприятные способы расставания с жизнью!

Помедлив, я убрала меч в ножны и легко вскочила на бортик. Побалансировала, выровнялась и, не торопясь изображать «ласточку», повернулась лицом к преследователям, как раз столпившимся в башне в полном, хоть и несколько потрепанном, составе.

– Но попрощаться-то с ней хоть можно?

– Чего? – опешил колдун.

– Перед своей мученической смертью я желаю помолиться святому Фендюлию, – пояснила я, смиренно складывая ладони и возводя глаза к небу. – Надеюсь, вы не посмеете отказать мне в этой просьбе?

– Посмеем! – в один голос рявкнули магистр и колдун, но их заглушило одобрительное бормотание остальных рыцарей.

– Молись, ведьма! – велел один из них, опуская меч. – Ибо наш священный долг – не умертвить плоть врага, а спасти его душу!

– О святой Фендюлий! – проникновенным речитативом завела я, подражая Тереку, так блестяще выступившему перед паломниками. – Услышь свою недостойную дочь, вспомнившую о тебе только в час тягот и испытаний! Прости меня! Я была плохой ведьмой! То есть хорошей, и посему принесла много горя и страданий ни в чем не повинным людям,

искушая их богомерзким колдовством и творя с его помощью всевозможные пакости! Я провела свою жизнь в гнусных злодеяниях и греховных утех, но сейчас, перед лицом неминуемой кончины, я оглядываюсь на нее, и мое сердце разрывается от стыда и скорби! О, если бы я только могла исправить совершенное мною зло! Я молилась бы сутки напролет, ходила в рубище из крапивы, питалась одной лебедой и бичевала все доступные места по утрам и вечерам, а по праздникам – и после обеда!

Рыцари откровенно заслушались. Кое-кто даже опустил на одно колено, крестясь в такт моим прочувственным завываниям. Один особо впечатлительный паренек зажал меч между коленями, вытащил из рукава кольчуги огромный клетчатый платок и начал громко в него рыдать и сморкаться.

– Идиоты, она же издевается над вами! – не выдержав, заорал магистр, выбегая вперед и заслоня мою одухотворенную фигуру. Я, не растерявшись, патетически воздела руки к небу. – Никакого Фендюлия нет и не было, и она это прекрасно знает!

– Как это нет?! – возопила я, охваченная праведным гневом. – Братья мои, вы слышите, что говорит этот человек?! Он посмел усомниться в нашем святом! В нашей духовной надежде и опоре!

Рыцари недовольно заурчали, поворачиваясь к магистру.

– Кого вы слушаете?! – Тот резко охрип, осознав, что ребята не шутят. – Нет, вы не так меня поняли! Я имел в виду, что Фендюлия никогда не было для этой ведьмы, ибо она недостойна даже осквернять его светлое имя своими лживыми устами! Убейте ее!

Рыцари снова повернулись ко мне.

– О святой Фендюлий, ты видишь этот произвол? Мне, слабой женщине, не дают облегчить душу чистосердечным покаянием!

Парни окончательно смутились и, плюнув на нас обоих, отступили к двери и сбились в шушукующуюся кучку, предоставив нам самим разбираться друг с другом и со злосчастным святым.

– Кончай ломать комедию, ведьма, – прошипел магистр сквозь зубы.

С другой стороны надвигался колдун, выразительно разминая пальцы. Н-да, недооценила я его «божественность». Стихийный маг вроде меня, только специализируется по воздуху. На профессионала, правда, не тянет, один на один я бы с ним живо расправилась, но вряд ли эти хмурые ребята станут философски наблюдать за нашим поединком. А магистр вообще успел подобраться на длину меча...

Я еще раз посмотрела за бортик. Ниже не стало.

– Магистр, неужели вы приволокли меня в этот замок, только чтобы посмотреть, как я летаю?

– Я выполнял приказ главы ордена. – Рыцарь скривился, но тут же снова просветлел лицом: – Зато это – моя личная инициатива!

– Ну ладно, я вам не нравлюсь, а остальных-то за что?

– А за то же самое. Они лезли не в свое дело и не слушались добрых советов... пока не становилось слишком поздно.

– А вам, как я погляжу, нравится давать советы? И куда приятнее делать это в белой рясе с золотым вороном, заблаговременно позаботившись об устранении других желающих ее примерить?

– Видишь ли, ведьма... – Магистр неторопливо, со вкусом вытащил из-за спины свой двуручник. Пошире расставил ноги, поудобнее перехватил рукоять. – Ты не только слишком назойливая, но и слишком догадливая. А такие, увы, долго не живут...

– Полагаю, мы и впрямь увидели уже достаточно. – Спокойный, мягкий голос прозвучал не хуже удара грома. – Слезай с подоконника, ведьмочка, простудишься!

Заговорщики торопливо оглянулись, пятась и расступаясь перед густым частоколом ощеренных мечей. Я поскорее воспользовалась любезным предложением Верховного магистра и, спрыгнув на пол, прислонилась к колонне, переводя дух. Тивалий, бесцеремонно растолкав заплотнивших площадку рыцарей, бросился ко мне.

– Госпожа ведьма, вы в порядке? Мой Василек не угнался за вашей кобылой, я потерял вас из виду и побежал напрямик к Верховному магистру!

– Мальчик сообщил, что вы выследили логово умертвия, – подтвердил тот, поворачиваясь ко мне и так добродушно улыбаясь, словно мы по-прежнему разговаривали в его благоустроенной келье, а не в продуваемой ветром и все обильнее заливаемой дождем башне. – И я подумал, что небольшая помощь вам не повредит. Правда, я и предположить не мог, что умертвий здесь так много... Как ты мог, Гес? Я же сам рекомендовал тебя ордену пять лет назад...

Один из рыцарей опустил глаза, а затем и меч.

– А ты, Торак? Неужели годовая отсрочка посвящения в рыцари стоила... этого?

Клетчатый платок снова подвергся нещадной эксплуатации. Верховный магистр молча переводил взгляд с одного лица на другое – испуганное, растерянное, ненавидящее... бесстрастное, как у колдуна.

– Если вы и впрямь были так уж недовольны моим правлением, почему бы вам не высказать свои претензии лично мне, на совете, куда помимо магистров свободно допускается любой из братьев? Если они были бы справедливы, я и сам ни на минуту не задержался бы на этом высоком, но, увы, и весьма ответственном посту. Вы же предпочли ударить в спину – подло, тайно, недостойно истинных рыцарей... и вот что я вам на это скажу: пока я жив, умертвие этим орденом править не будет! Взять их!

Сопровождавшие его рыцари угрюмо шагнули вперед, и тут колдун не выдержал, одним длинным звериным прыжком метнувшись к краю площадки. Слаженно вскинулись прихваченные пятью-шестью парнями арбалеты, три болта с глухим чавкающим звуком поразили цель, но остановить ее не успели.

Раскинув руки, маг покачнулся, перегнулся через бортик и медленно рухнул вниз. Я дернулась было поглядеть, но в ту же секунду припустил такой ливень, что у площадки словно выросли белесые стены, а раскатисто рывкнувший гром мог заглушить даже падение самой башни.

Зато звон летящих на пол мечей я услышала очень четко. Только магистр-отступник, размахнувшись, со злостью швырнул свой двуручник через бортик и, надменно скрестив руки на груди, не трогался с места, пока двое угрюмых рыцарей не подхватили его под локотки и без лишних церемоний не потащили к выходу...

* * *

– Госпожа ведьма!

Я оглянулась и придержала лошадь. Мышастый конек рысил за нами во всю прыть своих коротких толстых ножек.

– Погодите, я провожу вас хотя бы до развилки! – Паренек поравнялся со мной. – До захода солнца осталось меньше часа, почему вы не согласились переночевать в замке?

– А что, меня кто-то упрашивал?

– Ну...

Я скептически хмыкнула, трогая поводья. Да, благодарственная речь Верховного магистра была на высоте, рыцари вежливо преклонили колени, но богомерзкой ведьмой я от этого быть не перестала. Слова словами, – а мысли мыслями. Впрочем, а оно мне надо?

«...тебе это должно быть известно лучше, чем кому-либо...»

– Ничего, я за день выспалась, теперь прокачусь ночным трактом. А вы чем занимались?

Оруженосец только того и ждал, аж ерзая в седле от распирающих его новостей:

– Заговорщики во всем признались, Верховный магистр с подручными сейчас исследуют второй замок... вернее, их жалобные крики уже битый час доносятся сквозь стену третьего этажа, так что туда отправился второй отряд, на сей раз снабженный мотком шнура и куском мела для отметок на развилках. Представляете, потайной ход у стены открывался только под весом лошади, которая наступала на присыпанную песком плиту! А стражники ежедневно ходили взад-вперед и ничего не замечали!

– Его так и не нашли, – невпопад сказала я, думая о своем. – Тридцать саженей, ровнехонькая, отвесная стена и мощеный двор у подножия... Куда же он мог исчезнуть?! Он не левитировал и не трансгрессировал – я проверила. Не ветром же его в лес отнесло...

Паренек виновато замолчал, как будто был главным материально ответственным лицом замка и пропавший труп проходил у него по ведомостям.

– Да, чуть не забыла. Спасибо. – Я вытащила меч и, перевернув в броске, рукоятью вперед протянула Тивалию. – Прекрасный клинок. Пожалуй, лучший из всех, что я держала. Вот только объясни мне, с чего ты взял, что я побегу именно в башню? Тоже мне нашелся святой Фендюлий!

Оруженосец чуть заметно вздрогнул. Помедлив, иронично хмыкнул, поднимая на меня глаза:

– Угадали.

Черты лица укрупнились, волосы вытянулись до раздавшихся плеч и чуть посветлели, не утратив сочного каштанового оттенка. И только взгляд остался тем же – слишком серьезным для подростка, слишком прямым и открытым для стоящего передо мной мужчины.

И я наконец-то сообразила, кого мне напомнил висящий в святилище портрет.

– Вам спасибо, госпожа ведьма. – Рыцарь торжественно и вместе с тем непринужденно, словно делал это сотни раз, опустил на одно колено и легонько коснулся губами моей безвольно обвисшей руки.

Я почувствовала только легкое тепло и знакомый укол магии.

– Ой... вы что, этот... как вас там... э-э-э... святой умертвий, ой, то есть Фендюлий? – ошеломленно пролепетала я.

– Я далеко не святой. – Губы рыцаря тронула легкая улыбка. – Как, впрочем, и вы. Но это не мешает нам добросовестно выполнять свою работу, во что бы мы ни верили.

– Я – да. – Нарастающее возмущение помогло мне взять себя в руки и перейти в атаку: – А вот вы что-то халтурите! Замок – ваш, орден – ваш, значит, и умертвие тоже было ваше! Меня-то вы зачем в это дело втравили? Поиздеваться над глупой ведьмой?!

– Увы, я все-таки... – Рыцарь прикусил губу, сдерживая горьковатый смешок. – ...Святой, а не умертвие. И не могу вмешиваться в события столь радикально. В моей власти лишь слегка повлиять на них, придав нужное направление.

– Предложив ведьме столько золота, чтобы она не смогла отказаться от подвернувшейся халтуры? Заманив ее к озеру и заставив проторчать там битую ночь? Постоянно путаясь под ногами и мешая колдовать? А эта ваша дурацкая магия, следы которой я находила только там, где вы этого хотели? – Я запнулась, вспомнив, что ощутила ее и на флаконе с противоядием. Эх, жаль, уборную не догадалась проверить... – А может, вы и моей кобыле потайной ход показали? Да нет, какое «может» – точно!

Рыцарь положил руку на холку мышастого конька... нет, серого в яблоках боевого жеребца, ласково ткнувшегося храпом в хозяйское плечо.

– Каюсь, я несколько переиграл. Но с «озером» вы погорячились – я изредка должен возвращаться в него, чтобы восстановить силы. С вашей погоней за умертвием это совпало

совершенно случайно. А если бы я не остановил вашу руку и умертвие пало на месте, остальные заговорщики остались бы безнаказанными и продолжали творить зло.

– В этом мире даже святым нельзя верить, – проворчала я. – Так и норовят загрести жар чужими руками!

– Безобразие! – поддакнул рыцарь. – В этом мире ведьмы не желают поспособствовать торжеству добра даже за шестьдесят кладней!

Я машинально коснулась сыто звякнувшего кошелья. Все верно, все честно, но... меня, как сопливую адептку, обвел вокруг пальца какой-то Фендюлий... еще и бутерброд на халяву схарчил! Я насупилась, так и не смирившись с этим фактом, но исчерпав все возражения.

– Увы, молока за вредность я вам налить не могу, – продолжал нахальный святой, словно читая мои мысли. – Но, надеюсь, этот скромный подарок хоть немного искупит мою вину?

Не успела я поинтересоваться, какой именно, как рыцарь легко вскочил на коня. Отсалютовал мне поднятой рукой, едва заметным движением коленей посылая жеребца в лошину, и тот беззвучно потрусил вниз по пологому склону. Туман быстро поглотил всадника, и уже оттуда до меня донесся дрожащий от смеха голос:

– А молитесь вы куда лучше, чем колдуете! Может, все-таки подумаете о карьере проповедницы?

Я мрачно показала туману шиш, и в тот же миг белесая дымка начала таять, оседая и просветляясь на глазах. Спустя пару минут от нее не осталось и следа, как не осталось следов от копыт призрачного жеребца.

Посреди лошины возвышался травянистый холмик – почти неприметный, если бы не торчавший из него меч.

Я медленно подошла, пробежалась пальцами по ремешкам рукояти, еще хранившим легкое тепло. Потом решила, сжала ладонь, и меч словно живой пополз вверх. Под крестовиной лезвие потускнело, но погруженная в землю часть ярко блестела в лунном свете, как будто только что отполированная.

Серебряная паутина клейма мигнула и переплелась заново. Ворона сменил шестиконечный пульсар, две руны поменялись местами.

Я усмехнулась и с опасной небрежностью перекинула меч за спину, с первого раза попав в ножны.

«Да будет он оберегом руке, его держащей!»

Часть вторая Отпускные СКИТания

Дракон – это не только ценная шкура, но и два-три пуда высококачественных клыков!

Методичка по снаббьям

Утопленник плавно покачивался на меленьких волнах, прибившись к плавниковой отмели в десяти саженьях от берега.

– Вытаскивать надуть, – в который раз неуверенно повторил Гдынь, почесывая белобрысую макушку.

В кольчуге было жарковато, но отставной сотник упрямо носил ее даже в изнуряющий летний полдень, дабы односельчане не забывали, кто в их деревне главный вояка. Те и не забывали, но втихомолку подсмеивались.

– Надуть, – эхом откликнулся староста, высокий костлявый мужик с угольно-черными, несмотря на солидный возраст, волосами и бородой. Гдыня он привычно слушал вполуха, бросая редкие реплики, только чтобы тот отвязался.

– Да поскорее, – гнул свое Гдынь, переступая с ноги на ногу – вернее, на обтесанную деревяшку, заменяющую левую голень. – Ветер подымается, щас волной его от берега отгонит, и тю-тю!

– Ну и пушай тю-тю, – цинично пробасил плечистый детина в красной рубахе и выпачканных навозом штанах. – Ему-то уже без разницы, нам он тоже ни на что не сгодится, куда-нибудь да прибьет, а там местные прикопают.

– А ты почему знаешь, что не сгодится? – так и подскочил сотник, выискивая глазами нахала. – Про себя что хошь думай, а за всех не говори!

– Так вон она, лодочка, на берегу, – ехидно заметил детина. – Садись да гребь, я тебя и подпихнуть могу, чтобы шибчеплылось!

Гдынь неохотно замолчал, опасаясь, как бы ему действительно не поручили это общественно полезное дело.

Девять пар глаз продолжали мрачно любоваться недоступной отмелью.

– Не-а, не отгонит, – авторитетно заявил кузнец, опуская обслонявленный палец и вытирая его о подол рубахи. – Наоборот, еще дальше на плавник затянет. А денек-то жаркий, к вечеру душок пойдет... и ветер на деревню...

По правде говоря, некоторое подозрительное благоухание имело место уже сейчас. К сожалению, извлечение утопленников из природных водоемов не входило в число любимых занятий ни одного из присутствующих. Тем более из этого конкретного водоема – широкой реки с прозаическим названием Пеструшка. На пологих берегах, плавно переходящих в заливные луга, колыхалась выбеленная солнцем трава, кое-где зеленели низкие камыши, по мелководью стайками шныряли мальки, а вверху вилась мошкара. Но ни одного купальщика, прачки, рыболова или хотя бы плещущихся у берега гусей.

Увы, девять алчущих взглядов не могли заменить один хороший толчок. Труп продолжал безмятежно загорать на отмели, и не думая грести к комитету по встрече, весьма опечаленному этим обстоятельством.

– А вона ведьма трактом едет, – заметил кто-то. – Может, ее попросить?

Идея загрести труп чужими руками пришлась всем по душе. Пошептавшись, на переговоры отрядили старосту на пару с Гдынем. Первого – собственно для беседы, второго – чтобы хоть ненадолго от него избавиться (по официальной версии – для моральной поддержки).

Черная кобыла плелась нога за ногу, и селяне успели выскочить на тракт перед самой ее мордой. Взаимной радости от встречи не последовало: возмущенная лошадь лязгнула клыками не хуже волка, чуть не оттяпав старосте нос. Дремлющая в седле ведьма тут же встрепенулась, недоуменно обвела мужиков серыми заспанными глазами.

«Совсем молоденькая, – удивленно отметил Гдынь. – Поди, и третью дюжину не разменяла. Хотя кто их, ведьм, разберет – может, снадобий своих наглоталась и враз на полвека помолодела. Одета неброско, по-дорожному, меч, судя по рукояти, совсем простецкий. Длинные рыжие волосы небрежно рассыпались по плечам, челка заплетена в две тонкие косички, заправленные за уши».

– Экий денек нынче славный выдался, госпожа ведьма, – заискивающе начал староста. – Прям благодать, чего и вам от всей души желаю. Вы нам с утопленничком не подсобите?

– Кого топить? – невозмутимо поинтересовалась девушка.

Гдынь на всякий случай попятился, но староста разглядел, как легонько подрагивают в улыбке уголки губ, подкрашенных серебристой эльфийской помадой, и уже смелее продолжал:

– Да у нас один уже имеется, может, соблаговолите к берегу подогнать?

Ведьмочка прищурилась, разглядывая столпившихся у реки людей и объект их общего интереса. Недоуменно, но согласно пожалала плечами и молча тронула поводья.

Лошадь не спеша потрусилась к берегу. В отличие от деревенских кляч необычное оформление отмели ее ничуть не смутило – напротив, она принялась, облизнулась и, наклонив голову, жадно припала к воде.

Хозяйка потрепала ее по холке и спешила.

– А на кой он вам, уважаемые?

– Сгодится, – упрямо повторил Гдынь, по-прежнему держась в отдалении как от ведьмы, так и от воды.

* * *

В дриадских сапогах можно смело зайти в воду по колено, но я не без оснований опасалась, что, сделав еще один шаг, провалюсь туда вместе с головой. Пеструшка – мелкая, но подлая река, изобилующая омутами. Один из них как раз примыкал к самому берегу, черное размытое пятно резко выделялось на фоне общей прозрачной голубизны с там-сям просвечивающими сквозь воду корягами.

Поудобнее утвердившись ногами на самом краю берега, я вытянула руку и сделала круговое движение кистью, словно наматывая на нее веревку. Труп шевельнулся и начал медленно сползать с отмели. Толпа восторженно засопела. Интересно, что они с ним будут делать?! Столкнули бы на стремнину – и вся недолга. Или боятся, что соседи ниже по реке воспримут спущенный на них труп как личное оскорбление?

Вышеупомянутый тем временем величаво дрейфовал к берегу. Я опустила руку, присела на корточки и со второй попытки подцепила голову за краешек левого рога. Подтянула поближе, ухватилась за правый и приготовилась к заключительному рывку, но тут вода взбурлила и утопленник почти целиком – за вычетом башки – исчез в зубастой пасти, плавно перетекающей в черное скользкое туловище. Маленькие, красные, глубоко посаженные глазки буравили меня далеко не ласковым взглядом.

Как оказалось, от неожиданности люди не только цепенеют, но и наглеют. Тем более что пасть у чудовища была занята, а лап или щупальцев не наблюдалось вовсе.

– Пшла вон, гадина! – злобно рыкнула я, упираясь каблуками в песок.

Чудовище возмущенно засопело и покрепче стиснуло челюсти, перекусив тонкую шею добычи. После чего, довольное, исчезло под водой, а я в обнимку с головой кубарем пока-тилась по земле. Плеснувший хвост мстительно окатил меня водой, на макушку шлепнулась и живописно обвисла прядь черных спутанных водорослей.

– Что это было?! – ошеломленно выдохнула я, глядя на расходящиеся круги.

Селяне, как ни странно, и не думали предаваться панике. При виде твари они всего лишь отступили на несколько шагов от воды, чтобы не искупаться вместе со мной, и теперь корчились от смеха, разглядывая промокшую насквозь ведьму и ее боевой трофеей.

– Да так, водится в этой заводи чево-то, – философски заметил староста. Подумал и добавил: – Не шибко злобное, только нервное чуток и ведьмовства не любит. Нарочно небось слопало, чтобы вам не досталось. Так-то оно падаль не жрет, да и вообще больше птицу промышляет...

Я задохнулась от возмущения:

– Что, предупредить трудно было?!

– А чего там предупреждать? – запоздало расхрабрился белобрысый мужик в кольчуге. – Днем-то оно в омуте у берега сидит, никого не трогает, однако ж лодок не любит, а вплавь – раздеваться неохота, пивок тут тьма-тьмушая. А козел знатный был, здоровущий, бросать жалко. Глядишь, на что-нить и сгодился бы...

– Сгодился, говоришь? – Кое-как поднявшись, я раздраженно сунула ему в охапку черную рогатую башку. – Так забирай себе на запасную! Ничем не хуже будет!

Развернувшись, я зло рванула за повод ехидно скалящуюся кобылу и поволокла ее к зарослям ивняка. Вслед полетели сдавленные смешки.

* * *

– Не уехала она, – таинственно сообщил Гдынъ, без спроса цапая за ручку вторую кружку, обильно обтекающую пеной. – В кусты пошла платье отжимать, а кобыла, гадость такая, как встала поперек дороги – ни пройти, ни проехать!

– Это которая дорога – к Пади или на Крюковичи? – наивно уточнил корчмарь, не забывая, впрочем, щелкнуть костяшками счетов.

– К кустам! – Гдынъ зачерпнул из миски горсть подсоленных сухариков и начал по одному кидать в рот, как семечки. Бдительный корчмарь щелкнул еще раз. – Сказывают, у всякой ведьмы сзади хвостик ма-а-ахонь-кий имеется, вот бы поглядеть!

– Токо кобыла его самого за зад цапнула, – хохотнув, добавил староста, припадая к своей кружке. Корчмарь только вздохнул – старосту в селе уважали и побаивались. Впрочем, тот не злоупотреблял своим положением и, хоть заходил ежедневно, на вторую кружку никогда не покушался. – Не укусила, а так, придержала чуток. Кабы сам с воплем не рванулся, может, и уцелели бы штаны-то...

– А потом вышла – мы так и сели! – продолжал слегка смущенный Гдынъ, стараясь держаться спиной к стойке. – Платье сухое, будто час на солнце провисело, волосы длиннющие дыбом, сама мрачная, как теща в три часа ночи, что со сковородником чугунным зятя любимого на пороге поджидает. «Где тут, – спрашивает, – постоялый двор у вас?» Ну мы ей на «Драконью берлогу» и кивнули. Еще и про твою корчму словечко замолвили... хоть и не следовало, – насупившись, добавил бывший сотник, по неумолимому щелчку отдергивая руку от третьей кружки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.